

INSPIRIA

КАЖДЫЙ ДЕНЬ ДЕКАБРЯ

КИТТИ УИЛСОН

 INSPIRIA

Сурсаке. Новый год

КИТТИ УИЛСОН

Каждый день декабря

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Уилсон К.

Каждый день декабря / К. Уилсон — «Эксмо», 2021 — (Сурсаке. Новый год)

ISBN 978-5-04-196230-2

31 день, чтобы влюбиться, пока идет снег. Идеальный роман, с которым надо встречать зиму. Эта книга – как тот самый фильм, который мы пересматриваем каждый год, чтобы вновь поверить в чудо, а светящийся снежный глиттер на обложке создаст атмосферу зимней сказки. Судьба подарила им время, но оно не бесконечно. У них есть 31 день, чтобы поверить в чудо и обрести любовь. Белл обожает декабрь. А еще она прирожденный шекспировед. Ее главная цель – сделать загадочного английского автора доступнее и понятнее для детей всех возрастов. Однако жизнь вносит свои коррективы, и в декабре Белл остается без работы. Рори ненавидит декабрь. Внешне кажется, что у него в жизни полный порядок – успешная карьера, деньги, любящая семья, но в душе он все еще не может оправиться от событий пятилетней давности, произошедших накануне Рождества. Все меняется, когда он встречает Белл. Как известно, в преддверии Рождества случается настоящая магия. Чтобы в этом убедиться, Белл и Рори предстоит довериться судьбе, которая давно написала пьесу об их любви. 31 день, чтобы влюбиться, пока идет снег. «Идеальная рождественская история, полная любви и надежды». – Санди Баркер

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-196230-2

© Уилсон К., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Канун Нового года. Пять лет назад	9
Первое декабря	11
Второе декабря	16
Третье декабря	19
Четвертое декабря	26
Пятое декабря	34
Шестое декабря	41
Седьмое декабря	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Китти Уилсон

Каждый день декабря

Kitty Wilson
EVERY DAY IN DECEMBER

Copyright © 2021 Laura Kenton-Weeks

This edition published by arrangement with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency
LLC

© AngieYeoh / Shutterstock.com Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Бугрова Ю., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

КИТТИ УИЛСОН
КАЖДЫЙ ДЕНЬ
ДЕКАБРЯ

INSPIRIA
Москва
2024

Посвящается Нетти

*Среди живых ты будешь до тех пор,
Доколе дышит грудь и видит взор!¹*

¹ Шекспир У. Сонет 18. Пер. С. Маршака. (Здесь и далее прим. перев.)

Канун Нового года. Пять лет назад

Белл

Я закатываю глаза и молчу, пока Луиза разоряется о том, что мне нужно вырасти и, вместо того чтобы спать с отребьем, от которого только вонь в машине, найти мужчину, который будет меня уважать.

И, пожалуй, она права. В машине действительно смердит, а я умышленно выбираю самых отстойных субъектов, относительно которых не имею никаких серьезных намерений. Мой опыт романтических отношений – не пример для подражания. Вот Луиза в отличие от меня победительница по жизни, а сегодня вообще может говорить что угодно, и я буду радостно молчать в тряпочку.

– О, господи!

Она сгибается, выбрасывает вперед руки и хватается за переднюю панель. С момента последней схватки прошло всего четыре минуты. Она кивает, делает вдохи и выдохи – нецензурные слова сыплются из нее, перемежаясь с пыхтением и жизненными советами.

Моя лучшая подруга – образец идеальной жены. Она просит (и получает) жемчуг на день рождения и сохраняет на вкладки в браузере одежду от Boden, но порой ругается, как сапожник. Сейчас именно такой случай, и я уже опасаюсь, что штраф за мелкое хулиганство – вопрос ближайшего времени. На мне – одежда из благотворительного магазина, на Луизе – бледно-розовый кардиган и чуть приспущенная серо-розовая юбка для беременных. Так что кого будут винить в нарушении общественного порядка, ясно заранее.

– Давай подышим вместе. Вдох... выдох... вдох... выдох... вдох... выдох... у тебя все получится, – говорю я.

– Мне бы «веселящий газ», но если глотну здесь, то словлю кайф и до палаты уже не доберусь, – выплевывает она.

Беременность не сделала Луизу покладистее.

Ее дыхание выравнивается, руки расслабляются – и подруга тотчас переходит в атаку:

– Может, попробуешь воздержание? Поймешь, кто ты есть. Потому что Белл, которую я знаю, не должна спать с такими субъектами, как Сэм. Белл, которую я люблю, давно забила на такое поведение.

– А по-моему, любые взаимоотношения – это попытка найти того, с кем можно регулярно спать и при этом не испытывать желания убить. Я просто... С дороги!

Я давлю на сигнал, когда какой-то растяпа оказывается почти в миллиметре от машины. Луиза опускает окно и выдает отборную брань.

– Когда станешь мамой, с руганью придется завязать.

– Вот поэтому лучше я избавлюсь от всего запаса сегодня.

Она скалится и поднимает окно, после чего поворачивается ко мне и начинает по новой:

– Я понимаю, что у тебя есть проблемы – с такими родителями, как у тебя, я бы уже сидела в психушке, – но тебе нужно браться за ум. Хватит воспринимать себя их глазами, поверь – ты достойна большего. Ты вот-вот станешь крестной матерью, счет идет уже на минуты, Белл, и я должна быть уверена в том, что моя лучшая подруга – взрослый человек.

Она хватается за переднюю панель и принимается дышать, как одержимая.

Мы въезжаем на больничную парковку, и машина, взвизгнув тормозами, останавливается напротив входа. Сегодня я буду лучшей подругой в мире. Пусть говорит что хочет – я буду

молчать, вместе с ней дышать и позабочусь о том, чтобы все прошло по возможности гладко и без стресса.

Я несусь к пассажирской двери и помогаю ей выбраться.

– По-моему, ты не слушаешь.

– Слушаю, слушаю. И обязательно избавлюсь от Сэма. Ты права. Но, честно говоря, Лу, я все детство мечтала стать взрослой, теперь вот стала – и выясняется, что это тот еще «кайф». Сплошные счета, обязанности и сложные взаимоотношения. Взрослеть дальше как-то не катит. – Мы движемся к главному входу, и она бросает на меня убийственный взгляд. – Но ради тебя и твоей малышки я очень постараюсь. Сейчас я сообщу в регистратуру, что Реми едет следом.

Луиза останавливается, хватая меня за руку – вцепляется с такой силой, что того гляди вывихнутся суставы, – и снова матерится во весь голос. Кучкующиеся у входа пожилые курильщики бросают на нее неодобрительные взгляды – они смолят рядом со своими портативными кислородными баллонами, но, судя по всему, впервые слышат брань от женщины на сносках. Я припечатываю их суровым взглядом и, когда мы проходим мимо, поддерживаю ее парой забористых фразочек.

– Скоро все закончится, и у тебя будет самая чудесная, самая очаровательная малышка в мире. Ты такая умница.

– Пф!

– Мы почти пришли. Сейчас тебе дадут энтонкс, и все будет хорошо.

Я надеюсь, что за время короткой поездки обрела таланты оракула. Роды меня страшат, но показывать это женщине, которую люблю больше всех на свете, явно не стоит. Мои переживания сейчас не имеют значения. Сегодня – ее день.

Мы уже внутри. До родильного отделения рукой подать – мы движемся медленно, и мои пальцы уже совсем утратили чувствительность.

На мгновение мое внимание привлекает мужчина у регистратуры отделения неотложной помощи. Он обхватил голову руками и рыдает, а рядом сидит пожилая пара – вероятно, родители – и пытается его успокоить. Мне искренне жаль его. Должно быть, так выглядит настоящее горе. Я никогда не видела ничего подобного. Казалось, я многое повидала, но этот надрывный плач пронзает мне сердце. Он заглушает брань Луизы, и я снова и снова бросаю взгляд в ту сторону и с тоской думаю о том, что люди на этой земле вынуждены терпеть такие страдания. Женщина наклоняется и убирает прядь волос с его лица – мужчина на мгновение опускает руки и смотрит на нее. В его глазах боль, и я понимаю, что он – тот, кого я когда-то знала.

*Ты – мой приют,
дарованный судьбой.
Я уходил и приходил обратно².*

² Шекспир У. Сонет 109. Пер. С. Маршак.

Первое декабря

Белл

Я люблю свою крестницу, но она – как малыш Джек-Джек из «Суперсемейки»: чем старше, тем шустрее и изворотливее. Я приглядываю за ней неделю, пока Луиза и Реми в отъезде, и можно смело сказать, что выдохлась. В информационном токсикологическом центре меня уже приветствуют как родную, и я ума не приложу, как сказать Луизе о том, что ванная на первом этаже разрисована несмываемым маркером, или, как утверждает Марша, «пятнышками далматинчика». Не верьте тому, кто говорит, что от Диснея нет вреда.

– И я не боюсь Груффало, потому что умею громко рычать... Аррррррррр! Он сам меня испугается, – уверенно объявляет она.

Очень похоже на то. По крайней мере, пожилой господин, переходящий дорогу одновременно с нами, подскакивает только так. Я виновато улыбаюсь, надеясь, что он любящий дедушка, и крепче беру ее за руку.

Мы идем от парковки в зону прилета аэропорта Бристоля, куда с минуты на минуту должны приземлиться Луиза и Реми. Марша держится за мою руку, но возбуждена и вся как на пружинках – энергия хлещет из нее фонтаном, можно продавать оптом и в розницу.

Она, конечно, выматывает, но невероятная лапушка. Никто и ничто в мире, кроме этого дитя, не способно заставить мое сердце биться настолько сильно. Рядом с ней я чувствую себя львицей – по-матерински гордой и готовой порвать в клочья любую потенциальную опасность, рискнувшую к ней приблизиться.

Однако сейчас я более чем охотно сдам ее с рук на руки мамочке, вернусь домой и остаток дня проведу, погрузившись в «Зимнюю сказку», последнюю из пьес Шекспира, над которой я в данный момент работаю и которую обожаю. Я люблю Шекспира – точнее, одержима им – с детства. Для меня он воплощает все хорошее и все настоящее, что есть в мире. Я могла бы недели напролет петь ему хвалы, но знаю, что мое обожание обусловлено не тем, насколько мастерски он владеет ямбическим пентаметром, а причиной гораздо более прозаической – любовью.

Я выросла в семье экстравертов. Драматические переживания сотрясали наш дом: яростные порывы, охи и вздохи, стоны и вопли – все это отскакивало от стен, билось в оконные панели и дощатые полы. Мне хотелось втянуть голову в плечи, съежиться до размеров мошки и забиться в скорлупу. Пусть она будет маленькой, так чтобы хватило места только мне, и пусть в ней будет волшебная дверца – я закрою ее наглухо, чтобы шум не долетал.

Бабуля понимала – приходила на помощь, обдавая легким ароматом ландыша, грациозная и изящная, образец невозмутимости и спокойствия. Я всегда поражалась тому, что они с мамой – родственницы. Бабуля уводила меня в сад или в мою комнату, обволакивала умиротворением и спрашивала, что я сейчас читаю.

Когда мне было лет семь, она купила «Сон в летнюю ночь» и предложила читать по очереди, объяснив, что это сказка о феях, ослах, королях и королевах и о подростках. Большинство семилеток, мне думается, разрываются между желанием быть феей и подростком.

Бабуля многие годы работала костюмершей в театральной труппе, привыкла к гламуру и воплям, но признавала ценность тишины. Она всегда приходила ко мне с каким-нибудь рекевизитом, и мы, читая по очереди, его обыгрывали. Она умерла, когда мне было одиннадцать, и вскоре после этого наша семья переехала в ее дом. Для меня ее уход стал невосполнимой утратой – она была краеугольным камнем моего существования. Именно бабуля заставляла

меня поверить в то, что у меня тоже есть место в этом мире. С тех пор я проработала все до единой пьесы и сонеты Шекспира и, закончив по первому кругу, пошла по второму.

И продолжаю в том же духе по сей день. Последние несколько лет я занимаюсь своим шекспировским проектом – свожу воедино все, что узнала за последние двадцать лет. Мне осталось совсем немного, и сейчас я предвкушаю момент, когда с головой погружусь в последние добавления к «Зимней сказке» – они пришли мне на ум во время исполнения обязанностей крестной.

Марша напориста, как Паулина из этой пьесы, – напориста, решительна и целеустремленна. Когда вырастет, она будет сметать все преграды на своем пути, а это означает, что за ней глаз да глаз. Количество инцидентов на бытовой почве за время моего дежурства превысило критическое, но Луиза (которой я обо всем рапортую по телефону) неизменно смеется и повторяет, что присматривать за Маршей – это как водить машину за границей: все несется прямо на тебя со всех сторон.

Когда мы входим в аэропорт, Марша замечает у выхода из зала прибытия магазинчик, выдергивает руку и резво устремляется к нему – волосики развеваются, она во весь голос вопит: «Свинки Перси!»

Луиза, при всем ее попустительстве во многих вопросах, касающихся Марши (что, как я подозреваю, обусловлено как неизбежностью, так и опытом), в плане питания – кремень. В организм моей крестницы попадают продукты только самого отборного качества: строго органические, на свободном выгуле, возвращенные монашками, и не иначе. Но самый тяжкий грех, как я уяснила в прошлом году, когда дала Марше батончик из белого шоколада, – это сахар. Луиза подняла такой хай – можно подумать, я учила крестницу забивать косячок по пути в детский сад. Выражения, которые использовала подруга (они не меняются на протяжении лет), преследовали цель доходчиво объяснить мне, что сахар – это зло, которое может попасть на язык Марши только в Рождество.

Я устремляюсь за ней, по пути замечаю витрину с музыкальными шкатулками и хватаю одну. Отговорить Маршу от розовых мармеладок в виде поросячьих мордашек – задача для переговорщика экстра-класса.

– Марша! Стой!

Легкой победы можно не ждать.

Рори

Перелет из Австралии был долгим, но наконец я здесь, впервые за пять лет снова в Британии. Миновав паспортный контроль, я сразу достаю телефон и звоню отчиму, Дейву. Последние несколько дней все мои мысли были только о том, что я возвращаюсь домой. Вот я здесь и понимаю, что мне следовало приехать раньше, что, прячась и избегая напоминаний о своей утрате, я забыл об обязанностях и стал человеком, которым никогда не хотел быть. Я не могу повернуть время вспять и изменить это, но сейчас могу поступить правильно. Я мечтаю увидеть маму и разобраться со всеми проблемами.

– Привет, Рори, рад тебя слышать.

Дейв отвечает сразу и уверяет меня, что все под контролем. У Дейва есть много замечательных качеств, и первое в этом перечне – спокойная манера общения. Он в состоянии сгладить любую ситуацию, обладает силой, доступной только магистрам Ордена джедаев. И все-таки одного ободряющего тона мало, чтобы я почувствовал облегчение. Когда на прошлой неделе в разговоре с мамой прозвучало *то слово*, у меня перехватило дыхание. Я сразу купил билет на самолет и снял на месяц квартиру в Бате.

В Бристоль мне пока возвращаться тяжело.

Я не самый самоуглубленный человек в мире, но знаю, что просыпаться каждое утро и видеть очертания города, который когда-то любил, – это мне еще не под силу. А остановившись в Бате, я отодвину в сторону багаж своего прошлого, смогу поддерживать маму, общаться с ее врачом и быть уверенным в том, что она находится под лучшим наблюдением.

– Мама очень взволнована твоим приездом. У нас вся кухня заставлена кишками, кексами, печеньем и сосисками в тесте – повернуться негде. Она даже испекла тебе чизкейк в форме сердца!

– Не говори, это сюрприз!

Мамин голос доносится издалека, и уже в следующую секунду она вырывает у отчима телефон.

Я смеюсь. Я живо представляю себе эту сцену – борьбу за телефон (мама неожиданно наступает Дейву на ногу и, пока он приходит в себя и начинает возмущаться, хватается трубку) и горы еды. Кормить – это у мамы пунктик, но не из разряда «запру тебя в подвале и буду пичкать, как на убой», а «я люблю тебя так сильно, что словами не выразить, и потому кушай, милый, кушай, и никого не слушай».

– Ну, вот стоило ли так срываться с места и лететь, – она делает паузу и тихо добавляет: – Но я очень рада, что ты приехал. – Ее голос обретает привычную силу: – И не слушай его. Ничего такого особенного я не готовила.

Я представляю, как «он» в этот момент прыгает на одной ноге со страдальческим выражением в глазах. А мама наполовину радуется тому, что я приехал, наполовину в ужасе – не только из-за диагноза, но из-за того, что боится стать обузой.

– Это важно для меня. Ты важна для меня, поэтому, разумеется, я приехал. Я пробуду здесь месяц и заодно проработаю ряд деловых контактов, встречу лично, пока тут. Я хочу подключиться к процессу, скажи, чем я могу помочь.

Я знаю, что, если сошлюсь на работу, маме будет легче. Она всю жизнь внушает мне, что я – вся ее жизнь, и не отступится от этого. Как же я могу находиться на другом краю света, когда на нее обрушилось известие, которое потрясло ее до самого нутра и лишило надежды на будущее – ведь она считала, что, прежде чем подступит болезнь, которая унесла в могилу ее мать и бабушку, пройдут еще годы.

– Я не хочу, чтобы ты волновался из-за... ну, ты знаешь... но буду рада, если ты сможешь нам съесть ужин. В холодильник все не влезает, а ведь я, как тебе известно, пятый год подряд становлюсь чемпионкой «Монта» по дженге.

«Монтом» она для краткости именуется местный паб. Мама живет в Монпелье с моего рождения, когда еще этот район не был таким престижным.

– Конечно, знаю. Ты непобедима. – Я практически слышу, как она улыбается в телефон, и представляю, как уголки ее губ поднимаются вверх. – Ладно, я беру такси и, если не будет пробок, в течение часа буду у вас.

Ход моих мыслей прерывает пронзительный детский крик – какая-то малышка несется во всю прыть к расположенному в зоне прибытия аутлету «Маркс и Спенсер».

– «Свинки Пер-р-си»!

Вопль как при начале пиратской атаки. Малышка преисполнена решимости, и я чувствую, как мое лицо расплывается в улыбке. Маленькие дети – это кошмар. Я всегда считал, что, будь в мародерствующих ордах прошлого помимо закаленных в боях мужчин малолетние дети, они бы сеяли хаос и разруху гораздо более быстрыми темпами.

Минуту я стою неподвижно – возвращение к родным берегам после пяти лет отсутствия бьет меня по нервам. Я всегда мечтал о том, что у меня будут дети, много детей – они будут носиться по дому, играть в футбол в саду, мы будем устраивать барбекю, я буду учить их читать. Это будет моя жизнь, в которой я стану отцом и докажу, что являюсь продуктом среды, а не генетики. Выясняется, что этот жизненный сценарий не для меня, и пусть так.

Я надеюсь, что малышка получит своих свинок. Следом в магазинчик врывается женщина с темными волнистыми волосами – окликает ее, убеждает положить на место семь пакетиков с конфетами и предлагает взамен музыкальную шкатулку в форме рождественской елочки. Я вижу женщину со спины и думаю, что шансов на удачу у нее немного. В глазах малышки пляшет бесовский огонек, который виден даже с того места, где стою я.

За их спинами я вижу цветки пуансеттии – воспоминания оживают и выпускают на волю моего внутреннего Скруджа. Не в силах оторвать взгляд, я наблюдаю за тем, как малышка яростно мотает головой, крепче прижимая к себе пакетики с конфетами. В ней есть что-то знакомое.

Я отправляю имейл Нику Уайльду – подтверждаю, что прилетел, завтра готов встретиться, и направляюсь к стоянке такси. Глазеть на маленьких девочек – неподобающее занятие для взрослого мужчины.

Ответный имейл приходит сразу. Завтра у Ника семейный праздник, но он будет рад, если я загляну. Адрес прилагается – я его знаю и вряд ли забуду. Непонятно почему я оборачиваюсь в сторону магазина – сюрприз, сюрприз! Женщина выиграла: малышка прижимает к груди рождественскую елочку с таким видом, точно нашла сундук с сокровищами. Дребезжащая мелодия «Белого рождества» тает в воздухе.

Белл

Я выиграла. Марша поменяла конфеты на шкатулку и пришла в такой восторг от мелодии, что в порыве чувств заехала матери жестяной в лицо – не успела та выйти из зоны прилета и подхватить ее на руки. Теперь я уже дома и перевожу дух.

В теории.

– Да, да, вот так. О, боже!

Я закатываю глаза, а звуки из комнаты соседки захлестывают всю гостиную. Опять. Это продолжается все время, пока я нахожусь дома, с очень короткими перерывами. Этого пилота она подцепила на службе – не знаю, чем их там кормят в «Британских авиалиниях», но явно чем-то способствующим выносливости. У меня давно бы отнялись ноги, вагина взмолилась бы о пощаде, и все мысли были бы об одном – спать, а они, судя по звукам, заходят на третий круг.

Звонит телефон. Взглянув на имя абонента, я закатываю глаза. Так и знала, что сегодня это случится. Пусть мне за тридцать, я живу отдельно и не спеша плетусь по жизни, но родители все еще пребывают в убеждении, что я а) по-прежнему ребенок, б) не обладаю механизмами решения проблем и взрослыми навыками, в) нуждаюсь в напоминаниях по любым поводам. Они бы напоминали мне о необходимости чистить зубы, но боятся любых форм сближения. Поэтому они нудят исключительно по поводу вещей, которые значимы для них.

– Привет, папа. Как дела?

Я отвечаю на звонок, а сама смотрю на экран ноутбука. На самом деле меня занимает Леонт, я обожаю финальную сцену пьесы – *Взгляните, о королева, Утрата нашлась!* – и потом, мне известно, почему звонит папа. Нужно сказать, что Утрате очень повезло с этим приемным семейством.

– Еще, еще, еще!

Шардоне из тех женщин, которые точно знают, чего хотят от жизни.

– Я не ожидал, что ты ответишь так быстро.

Это вместо приветов.

– Угу...

Противоречить нет смысла. Пассивный нейтралитет – оптимальная тактика с родителями.

– У меня нет времени на болтовню. Я просто хотел напомнить про обед в пятницу, по случаю маминого дня рождения.

– Сейчас... сейчас... сейчас...

Шардоне орет и колотит в стену.

– Да, папа, я помню. Я буду. Как и обещала.

– А ты где? Звуки такие, точно там оргия.

– Не знаю, как звучит оргия. Придется поверить тебе на слово.

Я ухмыляюсь. Пожалуй, в чем-то родители правы: стоит услышать папин голос, и я начинаю вести себя, как подросток.

– Можешь смеяться, но когда я был моложе... «С широко закрытыми глазами» – это практически про меня. Я знаю, что такое сексуальные звуки.

Я кривлюсь и изображаю рвотный позыв.

– О, боже!

Раздается вопль, стена чуть не сотрясается.

– Гоооол!

О, блин. Только не это. Пилот явно футбольный фанат.

– Ага, я слышу это от тебя с двенадцати лет. И это по-прежнему шокирует.

– Другие были бы счастливы иметь таких прогрессивных родителей. А ты вечно всем недовольна. Послушай, я бы хотел обсудить с тобой вот еще что...

Самое лучшее – ничего не говорить. «Другие были бы счастливы иметь...» – одна из его коронных фраз, за которой следует короткий, но чувствительный удар ниже пояса. Многословного ответа он не требует.

– ... это касается твоей мамы. Я подумал, тебе стоит напомнить, что она еще не оправилась, так что будет лучше, если мы не будем упоминать об этом.

Он это серьезно? Отец говорит *мне* не расстраивать маму? Я хватаю подушку, утыкаюсь в нее носом и скрежещу зубами. Телефон на громкой связи остается лежать на столе.

– Думаю, это возрастное, – продолжает он. Замечательно. Ты думаешь, что дальше плыть некуда, и тут на тебе! – И поскольку я знаю, что ты не очень... ну, эмоционально отзывчивая... у меня сейчас тоже момент непростой... – Да, потому что сейчас вся нация в курсе того, что мне известно с раннего детства – что мой отец может быть трижды национальным достоянием, но полный козел. Не говоря уже о том, что использовать в одной связке слова «у меня» и «тоже» ему категорически противопоказано. Он утратил это право много лет назад.

*В долг не бери и займы не давай;
Легко и ссуду потерять и друга³.*

³ Шекспир У. Гамлет. Акт I, сцена 3. Пер. М. Лозинского.

Второе декабря

Рори

Нужно ли говорить, что мне нравится проводить время с родителями? Мы давно не виделись, и я только сейчас понимаю, как мне этого не хватало. Вчера было замечательно: мы наелись *до отвала*, обменялись новостями, повспоминали детство – универ мы всегда опускаем, точно любое упоминание о том времени может вызвать катастрофический системный сбой, – и вдоволь посмеялись.

Мама, разумеется, долго говорила о том, как я отлично выгляжу, какой загорелый и что у меня, должно быть, нет отбоя от австралиек. Пока мне удалось проигнорировать ее намеки, но я знаю, что прямой допрос не за горами. Ненавижу обсуждать эту тему. Я люблю маму, но постоянные разговоры о том, что мне следует снова начать встречаться, меня раздражают. Я злюсь, чувствую себя непонятым и отчасти виноватым. Пусть мы с Джесс не стояли перед алтарем и не произносили супружеские клятвы – хотя это всегда было в планах, – но мы клялись в верности друг другу, делили одну постель, и ее мягкие, как шелк, волосы сплетались с моими. Джесс больше нет, но те клятвы не утратили силы, и нарушить их было бы бесчестно по отношению к узам, которые нас связывали, к пожизненным обязательствам, которые мы на себя взяли. Я знаю, что в моей жизни придет момент, когда я смогу двинуться дальше, не забывая о Джесс, но этот момент пока не наступил.

Утром мы с мамой и Дейвом приятно болтаем о том о сем, и тема Джесс и моего нежелания встречаться, к счастью, не на повестке дня. Сейчас нам нужно обсудить насущную проблему. Я люблю маму, но дело серьезное, и спустить его на тормозах я не намерен. Договориться не получится. Я должен быть сосредоточен и взять контроль в свои руки.

– Спасибо, мама, очень кстати. – Я пью чай, который она приготовила. – Нет, спасибо, печенья не нужно. Присядь, пожалуйста.

Она, разумеется, ставит на стол банку с печеньем и снимает крышку.

– Ну что, поговорим про слона в посудной лавке?

– Ты про папу? А что о нем говорить?

Она всегда называет Дейва «папой», хотя он мне отчим, и меня это абсолютно устраивает – он заслуживает этого гораздо больше, чем мой биологический отец, который ушел, когда я только родился. Но отшутиться маме не удастся, как бы широко она ни улыбалась.

– Послушай, я знаю, что разговор неприятный, и ты предпочла бы его избежать, но я люблю тебя и должен знать, что происходит.

– Я, конечно, очень рада, что ты здесь, но ты зря беспокоишься. Порой жизнь сдает нам плохие карты, и мы не можем это изменить. Но мы можем их правильно разыграть.

– Х-мм. – Верное замечание, но я приехал не для философствования. – Я договорился о консультации и считаю, что нам следует пойти туда вместе.

– Это ты молодец.

Дейв отодвигает стул и присоединяется к нам.

– В этом нет необходимости. У меня отличный врач по линии бесплатной медицинской помощи.

– Да, но это хороший специалист. Я навел справки, она проживает в Бристоле и является одним из ведущих онкологов в стране. Вот, посмотри.

Я передаю ей информацию о консультации, и мама быстро пробегает глазами.

– Она и есть мой врач. И нам не нужно платить огромные деньги, чтобы попасть к ней на прием. Я не верю в частную медицину, никогда не верила, и впредь не поверю, и считаю глупым платить за то, что могу получить бесплатно. Операция назначена на неделю перед Рождеством, и это меня абсолютно устраивает. Национальная служба здравоохранения сработала очень оперативно, и я не вижу необходимости и не хочу лезть вне очереди. И не буду.

– Я просто хочу помочь. Я же не знал, что врач тот самый. Это ведь не преступление, что я проявляю участие?

– Что ты, вовсе нет. Я люблю тебя и понимаю твоё желание, чтобы все шло так, как тебе хочется, правда. Но это ты контролировать не можешь, поэтому не пытайся. Давай я буду делать по-своему и обещаю все сделать правильно, я не буду рисковать. Замечательно, что ты здесь, но так не получится, чтобы ты приехал домой и взял ответственность на себя. Сопровождай меня к врачу, проводи со мной время, но отпусти поводья. Контролировать мир тебе не под силу, дорогой, пойми это.

У меня вырывается вздох – настолько сильный, что отлетает листок с данными врача. Я знаю, что после смерти Джесс пытаюсь больше прежнего контролировать окружающий мир. Возможно, мне нужно немного расслабиться и отпустить. Но мысль о том, что я могу потерять и маму... Нет, сейчас не время благоденствовать.

– Но вот что ты можешь сделать, так это рассказать мне все свои новости. Я заметила, что вчера ты уклонился от ответа на мой вопрос. – Её плечи приподнялись, нос сморщился, между бровей пролегла морщинка, а губы растянулись в широкой улыбке. – На твоём горизонте появилась молодая особа?

– Мама ... пожалуйста...

Я не знаю, как объяснить, чтобы было доходчиво и вместе с тем не грубо. Я не знаю, как объяснить, что даже взгляд на женщину вызывает во мне горькое, как желчь, чувство вины, которое подкатывает к горлу. Что от одной только мысли я чувствую себя так, точно изменяю. Я не знаю, как объяснить, что не верю в то, что могу встретить кого-то еще, кто будет понимать меня, как Джесс, что дважды такое счастье в жизни не выпадает. Я, конечно, не посмею ей сказать, что не рискну полюбить другую женщину и разочаровать её, как случилось с Джесс. Я не смогу произнести эти слова вслух и услышать в ответ, что тем самым я не сделаю ничего плохого. Я бы хотел рассказать ей обо всех завихрениях чувств, которые бушуют во мне, но заранее знаю, что мама скажет в ответ, и не в состоянии это слышать. Это ложь, которую она считает правдой.

Я надеюсь, она не видит, как увлажнились мои глаза. Я надеваю на лицо фальшивую улыбку, смотрю на неё сияющим взглядом, тянусь к банке с печеньем и снова принимаюсь объяснять, как сильно я загружен по работе.

Белл

Еще три раза. Еще три раза за ночь. После «гоооо!» прозвучало «ур-р-р-а!», а напоследок – вызывающее крайнюю обеспокоенность «жги, жги!». Стоит ли удивляться, что пилот до сих пор не нашел себе постоянную партнершу. Хотелось бы надеяться, что это будет не Шардоне.

Я не спала до четырех утра и к тому моменту всерьез раздумывала над тем, как покроем-саю эту парочку при помощи набора кухонных ножей, который папа купил мне, когда понял, что в «Харви Николс» мы попали в объектив папарацци. Положительным моментом папашиного тотального мудачества является то, что стоит ему попасть под прицел камер, и он сразу становится замечательно щедрым. Если камер поблизости не наблюдается, он вряд ли вспомнит, когда у меня день рождения, а как-то на Рождество я получила его последнюю кулинарную

книгу с пятном от вина на обложке. Но это все же лучше хламидий, которые он от полноты души презентовал маме.

Сегодня у нас на работе собрание и, поскольку ни для кого не тайна, что у компании проблемы, то я нервничаю, так как пришла в нее последней. На работе свет клином не сошелся, я всего лишь помощник офис-менеджера – отвечаю на звонки и имейлы, подаю горячие напитки и улыбаюсь. Но на душе у меня беспокойно, и голова чугунная, когда я наполняю свой многоразовый стакан и готовлюсь отчалить.

– Привет! Хорошо, что тебя застала. Потрясающий запах. – Шардоне кивает на мой кофе. – Всего лишь хотела сказать, что твоя арендная плата поступила и... э-э, неловко говорить, но денег, которые я одолжила тебе пару месяцев назад, все еще нет.

Вот черт, совсем вылетело из головы. Это серьезный косяк. Угораздило же меня. Опять. Каждый месяц собираюсь, и каждый раз что-то происходит, или я забываю. Ну что я за растяпа. Раздражение из-за ее сексуальных завываний улетучивается, когда я осознаю, что сама накосячила по полной программе.

– О, Шардоне, извини, пожалуйста. Я все верну.

Я обещала это сделать до Рождества, а сейчас у меня на счету ноль. Зарплата, не успев появиться, исчезает практически сразу, и я понятия не имею, что буду делать. В приложение банка можно не заглядывать – и так ясно, что подарки я буду снова мастерить сама.

– Да. – Я вижу, что ей неудобно, и сержусь на себя за то, что поставила ее в такое положение. – Дело в том, Белл, что деньги мне действительно нужны.

Интересно, за сколько в наши дни можно продать почку не первой свежести?

Ад пуст!

Все дьяволы сюда слетелись!⁴

⁴ Шекспир У. Буря. Акт I, сцена 2. Пер. М. Донского.

Третье декабря

Белл

Теперь я официально безработная. Кредиторы наседали все сильнее, и компания, в которой я работала, была вынуждена объявить себя банкротом. Я благодарна им за то, что они заплатили нам за этот месяц, но ума не приложу, откуда возьму деньги в следующем.

День я провела в центре занятости, вечер – на indeed.com, а когда было уже за полночь и пилот снова пошел на взлет, я прыгнула в машину и помчалась к родителям. Еще одной ночи околофутбольных радостей я бы точно не выдержала.

Проникать в отчий дом в предзакатный час – особое удовольствие. В этом есть что-то запретное, а еще тогда появляется пара лишних часов насладиться домом, прежде чем придется с ними здороваться.

Пусть я в контрах со своим семейством, но этот дом люблю. Он принадлежал бабуле, а после ее смерти перешел к маме, и мы сюда переехали. Это было до того, как папа стал суперзнаменитым, тогда родители еще души не чаяли друг в друге. День переезда запечатлен на фотографиях, и отец смотрит на маму и на дом такими глазами, точно не в состоянии поверить своему счастью.

Больше всего я люблю свою спальню. Она находится под самой крышей, куда ведет узкая винтовая лесенка со старой выцветшей ковровой дорожкой. Кажется, здесь уйма тайных проходов и атмосфера романов Агаты Кристи. Перила покрашены свинцовой краской – ее, наверное, миллион слоев. Эта часть дома – полностью моя, ближайшее к ней помещение папа претенциозно зовет библиотекой. На самом деле это старая столовая, уставленная книгами, которые он отродясь не читал – их корешков касались только мы с бабулей.

Первое, что бросается в глаза, когда открываешь дверь в мою комнату, – это приклеенные на липучке афиши эпохальных постановок. Фиона Шоу в роли Ричарда II, Юри Ярвет – король Лир, «Сон в летнюю ночь» Питера Брука, Джон Гилгуд в роли Просперо. Глядя на них, я всякий раз улыбаюсь. До того как выйти замуж и переехать в этот дом, бабуля работала в костюмерном цехе «Королевской шекспировской труппы». «Буря», поставленная в Стратфорде-на-Эйвоне в 1957 году, стала ее последним спектаклем, поэтому плакат с Гилгудом был особенно дорог ее сердцу, а значит, и моему. Я до сих пор не съездила туда, но однажды обязательно там побываю.

Я подумывала забрать афиши с собой, но пока у меня нет постоянного жилья, пусть повисят тут. Они греют мне душу, когда я вынуждена бывать здесь, благодаря им частичка бабули живет в этом доме, где следы ее пребывания в основном стерты, заменены гладкими поверхностями и символами папиного успеха. Афиши, висящие на стене в моей комнате, кажутся нашим с ней продолжением. В этом есть что-то особенное, существующее только для нас.

В моей комнате есть тайны – явные, типа знаков «пацифик» и «анархия», нарисованных баллончиком на внутренней дверце шкафа. Мой старый одноглазый мишка по-прежнему прячется между матрасом и основанием кровати, после того как мама отдала его моей сестре, а я выкрала обратно и вытерпела неделю поношений и смертельных обид. Еще есть кеды, в которых я в младшей школе победила в беге с яйцом на ложке, а потом отказалась их выбросить. Это мое единственное спортивное достижение.

Этой ночью мне приснилось, что я нашла жестяную банку с записочкой, которую потеряла еще в подростковом возрасте. Не иначе как включился какой-то магическо-психический механизм. И сегодня, проснувшись, я нашла ее именно там, где увидела во сне – в кедах. Ну, разве

это не чудо? Я потеряла ее пятнадцать лет назад, и сколько слез было пролито, когда я перерывала комнату вверх дном.

Я бросила курить давным-давно, когда родилась Марша, редкие вечеринки и моменты слабоволия не в счет, но сегодня мамин день рождения и наши первые совместные посиделки после публикаций в желтой прессе, так что, пожалуй, сегодняшний день подпадает под оба критерия.

Я на цыпочках крадусь вниз по лестнице, картинно расставив руки и растопырив пальцы, и через парадную дверь пробираюсь в сад. Главное – миновать кухню. Родители не ждут меня раньше полудня. Вот одно из преимуществ, когда с тобой не связывают больших ожиданий.

Я устраиваюсь на низко висящей изогнутой ветке любимого дерева – старой сосне, которая много лет была моим убежищем. В детстве я играла здесь в «Питера Пэна», «Ветер в ивах» и в «Царство фей», а потом стала Ариэль, и тогда сосна была Просперо, или я была Банко, а сосна – Макбетом.

Но сейчас я скорее кошу под подростка – на мне пижама, которую я носила в шестнадцать лет. С тех пор я слегка раздалась, сиськи торчат из майки, шорты обтягивают задницу, так что почки того гляди вывалятся наружу. Эта умопомрачительная красота дополняется древним клетчатым одеялом, в которое я кутаюсь. Оно в нашем доме, наверное, с прабабушкиных времен. Возможно, в нем еще живет вирус оспы.

Скрутив косячок, я запаливаю его и откидываюсь на ствол. Затягиваюсь – и меня накрывает знакомой волной.

Мысли плывут во вчерашний день. Шансы на то, что я смогу вернуть долг Шардоне, очень невелики. Можно начинать паниковать? Благодаря находке, которая в данный момент поступает мне в рот, а оттуда – в легкие, паника может погодить до завтра.

– Все смолишь? – раздается позади меня низкий мужской голос.

В нем есть что-то знакомое и в то же время неуместное. Я оборачиваюсь – одеяло сползает, открывая миру Снупи, болтающего с Чарли Брауном.

Что за фигня?

– Рори?

– Привет, как поживаешь? Не ожидал увидеть тебя сегодня, но тут на меня пахнуло, и я понял, что ты дома. Предположил, что это не Роуз.

Он улыбается – я вспоминаю, когда видела его в последний раз, и у меня сжимается сердце.

– Ага, приехала на день рождения.

Я машу косячком в его сторону.

– Вижу, ты в порядке.

Он мотает головой, темно-рыжие волосы стали длиннее. В восемнадцать лет он зачесывал их назад и делал вид, что кудрей не существует, а теперь они вон как отросли. Ему идет. В нем всегда было что-то озорное, но только капельку. Он охотно делал то, что ему говорили, никогда не шел вразнос. Впрочем, Рори был неплохим парнем. Насколько помнится, меня озадачивала его подруга Джессика. Она была из тех женщин, которые всегда кажутся в гармонии с собой. Мне о таком можно только мечтать. Как такое вообще возможно? Просыпаться утром и не париться вопросом о собственной адекватности.

– А у кого день рождения? Точно, что не у тебя. Ты же родилась весной – в марте, да?

Вопрос Рори прерывает поток моих мыслей. И как он это помнит?

А я помню, как он рыдал. Это мне запомнилось навсегда.

– Ага. День рождения у мамы.

– Твой папа сказал, что будет дома с семьей, но он не сказал, что у твоей мамы день рождения. Как она?

– Ей тяжело. Но из них двоих ей лучше.

Рори иронично улыбается. Давным-давно он видел моих родителей в разгар баталии. Если он помнит мой день рождения, то вряд ли забыл, как они скандалили на подъездной дорожке, когда он однажды подвез меня в конце семестра. Тогда мама запулила отцу в голову теннисной ракеткой. Красивая иллюстрация на тему несостоятельности среднего класса.

– А папа тебе зачем?

– По делу.

Рори не выказывает желаний уйти, поэтому я продолжаю допрос:

– Ты шеф-повар? Или из СМИ?

Оба варианта будут неожиданностью.

– Ни то, ни другое. Я занимаюсь управлением репутацией.

Он прислоняется к ветке и улыбается мне. Нередко о юношах говорят «возмужал», и это определенно относится к Рори Уолтерсу, но если он имеет дело с папой, то это характеризует его не лучшим образом.

– «Сокровище на свете разве есть ценней, чем незапятнанная честь?»⁵, – цитирую я.

– Что?

– Да так. Значит, управление репутацией? Не знала, что такое существует.

О том, что в этом чувствуется что-то скользкое, я молчу.

– Ну да. Я в этой сфере давно, а сейчас она сильно развилась.

– С папой тебе придется непросто.

– Я понял. Но если он прислушается к рекомендациям, мы восстановим его имидж.

Я издаю смешок. Потом встаю, выпускаю дым вниз и плотнее заворачиваюсь в одеяло. Вид у меня не ахти, и почему-то меня это заботит.

– Тогда пойдем, дойду с тобой до двери, но ты уж позвони и притворись, что меня не видел, ладно? Тогда у меня будет еще пара часов спокойной жизни.

Он снова улыбается и кивает. А я впервые за время нашего знакомства замечаю, какие у него зеленые глаза.

Рори

Я не ожидал сегодня встретить Белл. Мы с ней давно не виделись. В университете она производила забавное впечатление: держалась дичком и надменно, а на вечеринках – в тех редких случаях, когда бывала, – могла веселиться и блистать интеллектом.

Тогда она меня восхищала – в ней было все то, что отсутствовало в моей жизни. Но при всей своей привилегированности она всегда казалась мне насторожившимся лисенком, которому все приелось.

Она не поддавалась классификации. Я обожал классифицировать и оценивать людей – кто они и из какого разряда. Это придавало жизни упорядоченность. А в Белл было что-то неподдающееся определению. Я понимал, что даже если мне удастся втиснуть ее в коробочку с надписью «Бедная девочка из богатой семьи», она будет отчаянно рваться наружу, сминая все на своем пути, протестуя и крича, что все не настолько примитивно.

Мы слушали один лекционный курс по истории английской литературы, и наши пути многократно пересекались. Она жила в одном общежитии с Джессикой, у них была общая кухня, а в остальном они были разные. Я неоднократно подвозил ее домой: ее родители жили возле Бристоля, а мои – в самом городе, и по окончании семестра это вошло в привычку. Я вел машину, а она жаловалась на то, что придется общаться с предками, на все лады расхваливала или поносила своего последнего бойфренда, паниковала из-за курсовой, а позже – из-за

⁵ Шекспир У. Ричард II. Акт 1, сцена 1. Пер. М. Донского.

дипломной работы. Несмотря на все сомнения, голова у нее работала отлично, гораздо быстрее моей.

Я часто задавался вопросом, как сложилась ее жизнь, и когда агент ее отца обратился ко мне, любопытство проснулось снова. Чем она занимается? Кем стала? Изменилась ли? Курить косяк перед отчим домом, кутаясь в старушечье одеяло, из-под которого выглядывает детская пижамка, – это было очень в духе Белл, которую я помнил.

Я обрадовался встрече с ней, но эта радость отдавала горечью. Мне представлялось, что она путешествует по миру, завоевывает сердца и умы, раздвигает границы и делает открытия, а она, как выясняется, дует траву в родительском саду. Но кто я такой, чтобы судить? И из того, что она приехала домой на день рождения мамы, вовсе не следует, что она ничего не добилась в жизни, что она несчастлива и неудачница. Судить и классифицировать – этим я занимался в прошлом. Тот Рори, который считал, что, делая правильный выбор и поступая правильно, ты застрахован от ошибки.

Мне следовало брать пример с Белл.

Я выжидаю пять минут, чтобы она поднялась к себе, и нажимаю на звонок.

– Здравствуйте, здравствуйте!

Ник Уайльд распахивает дверь настежь и делает широкий жест, приглашая меня внутрь. Физиономия багровая, фирменные светлые волосы торчат во все стороны. В руке – большой бокал красного вина.

А времени – одиннадцать утра.

Класс.

Я следую за ним в огромную кухню. Дом старый и громоздкий, местами запущенный, но с приметами благосостояния, накапливаемого поколениями, а кухня – образчик инвестирования и модернизации. Агрегаты обтекаемой формы под стать НАСА, пронзительно яркий свет и мягкое пламя в каменной топке камина, огромный деревянный стол, за которым вполне могла бы разместиться вся Тайная вечеря, и еще место осталось бы.

Синди, мать Белл, сидит за столом, и при виде меня ее лицо сразу принимает радушное выражение. Это чистой воды актерство. Которое, подобно неровностям, сколам и пятнам на кухонном столе, оттачивается поколениями.

* * *

Ник два часа разглагольствует о своей непричастности к тому, что его репутация сильно подмочена. За это время он почти прикончил бутылку, нашинковал овощи и нарезал мясо с толстыми мраморными прожилками.

– Оставайтесь на обед.

– Да, пожалуйста, оставайтесь, – эхом вторит Синди.

– Вы же знаете женщин – они взбалмошные, истеричные, ради внимания и тем более ради денег скажут что угодно.

Он продолжает изворачиваться, а я бросаю взгляд на его жену – она встала и наливает в кружку кипятка из крана. Пальцы стиснули ручку кружки, плечи напряжены, во всей фигуре чувствуется скованность, которая никак не согласуется с раскованной манерой мужа.

– Да будь я хоть архиепископ Кентерберийский, газетчики, мать их, и тогда бы напечатали гору вранья и выложили в гребаный Инстаграм⁶, – добавляет он.

– Женщин *было* много, – говорю я.

⁶ Деятельность социальной сети Инстаграм запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (*здесь и далее*).

Ник вскидывает бровь, и я практически слышу, как он выпускает когти. Льва потревожили в логове.

– У многих женщин есть проблемы. Не будьте вы так наивны. Вы же не первый день живете и *знаете*.

Я выдерживаю его взгляд.

Мне случалось иметь дело с неприятными клиентами, когда нивелирование негатива служит общему благу. Это компании, которым приспичило срочно «озелениться», и они делают многомиллионные вливания в экологические проекты, чтобы компенсировать предыдущие косяки. Это селебрити, которые, по моему убеждению, искренне хотели загладить свою вину. Но с теми, кто явно манипулировал общественным мнением и не имел намерения изменить свое поведение, я отказывался работать.

Ник – из последних. Для него существуют только собственные аппетиты. По телефону он сказал, что раскаивается, что это все из-за алкоголя. Что с выпивкой он завязывает, и семья его поддерживает. А фактически, пока готовил салаты и мариновал мясо, он в одиночку выпил почти целую бутылку и винил женщин во всех грехах мира.

На обед оставаться явно не стоит.

Я начинаю обдумывать вежливый отказ, и тут вспоминаю про Белл. У нее глаза янтарного цвета. Этот человек – не остров, как и все мы, она – часть его архипелага. Когда поднимутся воды и погребут его под собой, она тоже пойдет ко дну. Я не хочу лежать ночью без сна, представляя, как ее накрывает волной.

* * *

Так некомфортно за обедом я себя чувствую впервые. Белл сидит напротив меня, съевшись, как рак-отшельник, спрятавшийся в чужой раковине. Родители бьют ее по самолюбию с завидным упорством – то и дело перебивают на полуслове.

А еще хуже то, что здесь Роуз, и ее они превозносят до небес. Если и были вопросы насчет того, кто в семье любимица, то они отпадают через пять секунд после ее появления с огромным букетом зимних роз.

– Роуз замужем за Джеком Шарпом, ну, вы в курсе, он член кабинета, и это в двадцать семь лет. Они оба такие умные. Она еще в школе училась, а ею уже интересовались из Центра правительственной связи, а потом снова, когда была в университете. У нее отличная голова, и она использует ее с толком. Они – золотая пара в мире политики. Ты – идеальная жена политика, да, дорогая?

Гордость за младшую дочь у Ника хлещет через край.

– Но у меня, Рори, была ужасная дислексия. Не знаю, что бы со мной было, если бы не Белл. Без ее помощи я бы не окончила школу, это было ужасно.

Роуз улыбается мне, и я не верю ей ни на секунду.

– У тебя все было бы замечательно. А Белл ходила в школу из-под палки, так что я не понимаю, чем она тебе помогла. Это ведь не она вышла замуж за успешного политика и поднялась по социальной лестнице.

Обе сестры сбегают из-за стола при первой же возможности. Роуз прыгает в машину еще до того, как успевают убрать все тарелки. Я тоже не намерен задерживаться, но, выходя из туалета, останавливаюсь – я слышу, как Белл кого-то окликает.

Я толкаю соседнюю дверь, думая, что оклик адресован мне. И понимаю, что принял желаемое за действительное. Белл сидит ко мне спиной, подогнув ноги и повернув к себе ноутбук. Часть дверного проема, где стою я, не попадает в объектив камеры. На экране – знакомое лицо. Неужели Луиза Фишер? Она машет Белл. Мне тоже хочется помахать и крикнуть «Привет!».

– Ты как? Достали тебя, да?

Немецкий акцент не исчез. Интересно, уехала ли она в Берлин после университета.

– У нас были гости, так что они слегка попрдержали лошадок.

Попридержали лошадок? Это они еще прилично себя вели? А меня обезличили до «гостей». Белл Уайльд в своем репертуаре.

– Слушай, я сразу к делу, э-э, ненавижу об этом просить и обещала себе, что больше никогда не буду, но, о, черт... э-э...

Белл подносит руку к глазам, потирает пальцами лоб, локоть согнут под прямым углом, и у меня сразу всплывает в памяти, как она делала так, когда писала диплом.

– Тебе нужны деньги на Рождество?

– Да. Нет. Деньги нужны. Но не на Рождество. В этом году ты, как и все прочие, получишь снеговика из соленого теста. Увы, не на Рождество. Я должна Шардоне, до сих пор не отдала ей и... – Она понижает голос до шепота, и я вытягиваю шею. – Меня... нас всех... э-э... уволили. Они надеялись дотянуть до Рождества, но...

Я знаю, что должен уйти. Это следовало сделать три секунды спустя после того, как я открыл дверь, но я застрял. Ноги приросли к месту.

– О, черт, Белл. Мне жаль. Но, по крайней мере, в этот раз ты не виновата, и это хорошо.

– Ну, знаешь...

– Ладно, это было бестактно. Но за тобой такое водится.

– Да. Не отрицаю. Но теперь я хорошая девочка, хотя и глупая. Перед обедом я сказала Роуз, что потеряла работу – мне это еще аукнется. Послушай, я ненавижу просить... ты знаешь, как я ненавижу просить... но суть в том, что у меня больше нет работы, а Шардоне напомнила, что я одалживала у нее на покупку того костюма.

– Я до сих пор не понимаю, почему ты тогда не обратилась ко мне.

– Потому что не хотела опять у тебя просить. Ты всегда так щедра со мной, я бы скорее выдавила себе глаза, чем попросила у тебя. Ирония, да?

– «Король Лир».

– Неплохо я тебя натаскала.

– А если серьезно, то ты знаешь, что я не откажу. И потом, как правило, родители готовы прийти на помощь детям. Но это не твой случай. Сколько тебе нужно?

Я наостряю уши. Раньше мне не приходило в голову, что у таких, как Белл, родившихся в богатых семьях, бывают проблемы с деньгами. Но после сегодняшнего представления, пожалуй, удивляться не стоит. Они ей вздохнуть не дают и деньгами, ясное дело, не осыпают. А стены дома Роуз, вероятно, обклеили пятидесятифунтовыми купюрами.

– Э-э... Я должна Шардоне двести пятьдесят фунтов.

Это огромная сумма, когда ты на мели – я еще помню это время, – но для Ника Уайльда это пустяк. Нужно уходить. Это неправильно. Я иду по коридору и снова замираю.

– Вы же знаете женщин, – произносит Синди, копируя интонации мужа. – Какое же ты дерьмо!

Голос становится громче, злее, она набрасывается на него, бьет в грудь кулаком, потом другим. Он отбивается, она замахивается снова, и он хватает ее за запястья.

Я делаю шаг.

Он опускает руки, и я останавливаюсь. Пока они меня не заметили.

– Давай не забывать, что и ты не без греха, – шипит он.

После чего разворачивается и уходит в кухню с таким видом, точно подобные вспышки – явление повседневное.

Синди наклоняется и глубоко дышит. Она так героически держала лицо за обедом, что с моей стороны будет жестоко обнаружить свое присутствие – это станет очередным ударом по ее самолюбию. В то же время мне хочется подойти к ней, утешить и сказать, чтобы бежала из этого дома. Я делаю шаг, но тут она выпрямляется, приосанивается, встряхивает

волосами и направляется назад в кухню. Я устремляюсь вниз по узкому коридору, где на стенах висят фотографии счастливого семейства. Обожающие друг друга Ник и Синди, Роуз, парящая над головой Ника. Я разглядываю снимки, и тут до меня доходит, что Белл всегда с натужной улыбкой где-то на периферии или на заднем плане.

Я на цыпочках возвращаюсь в туалет и даю хозяевам пять минут, чтобы «вернуть лицо», после чего намерен попрощаться. Я снова иду по коридору и предупредительно кашляю в тот момент, когда Луиза говорит:

– Перевела. Но при одном условии.

Мои добрые намерения летят к чертям. Я хочу услышать, что за условие.

– Все что угодно. Стриптиз на столе хоть сейчас.

– Я помню про твои таланты, но сейчас речь не об этом. Я хочу, чтобы ты не суежилась, и перевела тебе сумму и за следующий месяц аренды...

– Погоди, это слишком много. Я найду другую работу. Я обещаю. Какая-нибудь сезонная подработка обязательно найдется. – Она издает глухой смешок. – Эти деньги я тебе переведу обратно, так и знай.

– Послушай, я посмотрелась на то, как ты едва сводишь концы с концами и работаешь за гроши черт-те сколько, чтобы оплачивать аренду и держаться на плаву.

– Так большинство живет. А такая работа дает мне возможность заниматься...

– Заткнись, ради бога. Ты слушаешь? Я хочу, чтобы следующий месяц ты поработала на меня. Я серьезно. У нас с Реми дела идут хорошо. Мы только что заключили контракт на огромную сумму с крупным супермаркетом, так что все отлично. Следующий месяц употреби на то, чтобы придумать способ монетизировать свой шекспировский сайт. Теперь это твоя основная работа ...

Луиза продолжает говорить, но я уже не слушаю. Слова о сайте застревают у меня в мозгу. Я совсем забыл про это. Белл была одержима Шекспиром. Одержима.

Я припоминаю, как однажды, много лет назад, мы засиделись до четырех утра у нее на кухне в общепитии – пили, и она убеждала меня, что Гамлет совсем не скучный, а еще мы говорили об изданиях фолио и кварто, но что именно, я не помню. Неужели она по-прежнему этим занимается? Меня это радует, хотя я сам не понимаю почему. Я снова прислушиваюсь к тому, что говорит Луиза:

– Ты создала потрясающую вещь – то, что поможет очень многим. Принеси это в мир, найди способ зарабатывать с помощью своей уникальной способности.

У меня начинается оформляться идея. Если у Белл есть просветительский проект, который нуждается в качественном инвестировании, это поможет решить проблему, которую я пытаюсь распутать всю неделю.

*Никто
Не распознает душу по лицу⁷.*

⁷ Шекспир У. Макбет. Акт I, сцена 4. Пер. М. Лозинского.

Четвертое декабря

Белл

– Привет, ты как?

– Да вот, уезжаю. – Шардоне в униформе, рука покоится на вытянутой ручке дорожной сумки. – И спасибо, что перевела деньги. Я ценю.

– Нет проблем, – с беззаботным видом говорю я. Деньги я перевела вчера сразу после разговора с Луизой, и как гора с плеч свалилась. – Извини, что затянула, и тебе пришлось напомнить.

– Все в порядке, увидимся через несколько дней.

И она усвистала. Уютно устроиться вместе на диване, смотреть запоем «Нетфликс», есть мороженое и разглядывать друг у дружки маникюр – это не про нас. Мы взаимодействуем по минимуму, а это является залогом покоя и полностью меня устраивает.

Я наткнулась на эту квартиру после отчаянных поисков на [sparegoot.com](https://www.sparegoot.com) и сразу влюбилась. Мне нравится сам район, нравится, что внизу находится мини-маркет и с улицы доносятся шум голосов, и то, что большую часть времени я здесь одна.

Я люблю одиночество – оно не напрягает, не нужно переживать о том, что кого-то разочаровываешь, не оправдываешь чьих-то ожиданий. Луизе есть много что сказать на эту тему, и я знаю, что сегодня ощущаю себя особенно неуверенно, потому что недавно пообщалась со своим семейством. Я смирилась с тем, что ситуация никогда не изменится, и знаю, что не у меня одной сложные отношения с родителями, но через пару дней после длительного контакта во мне поднимается гнев. Это жутко несправедливо. Я никогда не могла понять, что я сделала не так – разве что родилась немного другой, не понимаю их условностей, их поведения, хотя в детстве очень старалась, а потом, в подростковом возрасте, ярость и бунт взяли свое.

Декабрь всегда тяжелый месяц – тут и мамин день рождения, и Рождество, но в этом году я готова. Я облачусь в непробиваемую броню. Я взрослая и не пойду на поводу у собственных комплексов, вот так. Родители большую часть жизни обращались со мной, как с дерьмом, но я могу взять ситуацию под свой контроль и перестать расстраиваться. Хватит циклиться, возмущаться несправедливостью и упиваться жалостью к себе. И я начну прямо сейчас.

Взбодрившись, я наполняю грелку и ставлю варить чечевицу. Хорошо, что я ее люблю, потому что она будет моим основным блюдом ближайшие...э-э... да всегда. Я устраиваюсь на диване, накрываюсь одеялом и поднимаю крышку ноутбука. За ночь похолодало, и сегодня по ощущениям вполне декабрь. А у меня нет денег на то, чтобы включить отопление.

Тук-тук-тук – быстро, гулко, неумолимо барабанит дождь в окно, напоминая о том, как холодно было искать работу в прошлый раз. Тогда, скитаясь от паба к пабу в поисках сезонной подработки, я застегивалась до самого верха и укутывала лицо шарфом, а дождь все шел, и я промерзала до костей.

Я обошла весь Истон и большую часть Иствилла и Гринбэнка. Объявлений о работе, даже сезонной, мало. Но, как всегда в этом районе, есть кое-что забавное.

Взять, к примеру, стену – это из-за нее, в частности, мне так нравится этот район. Схема простая: все ненужное выставляется на низкую стенку, которая идет вдоль внешней стороны дома, и любой прохожий может забрать это себе. Вот такая модель соседского фрисайклинга. И сегодня я нашла там пару симпатичных зимних ботинок своего размера. Это здорово, потому что ноги у меня постоянно мерзнут, а ботинки, которые я ношу сейчас, слегка промокают.

Я так отчаянно хотела согреться, что завернула в мини-маркет и прижалась к старой печке, керамические плитки которой очень похожи на мордочки лисичек. Ей, наверное, сто лет в обед, но она до сих пор греет. В магазинчике товаров навалено под потолок, так что нахождение в нем сопряжено с риском для жизни. Заправляет им Темперанс, а на подхвате у нее сынишка по имени Инносенс с замашками тоталитарного диктатора. Сегодня Инносенс оказался без материнского догляда и не преминул сообщить, что у меня ангельское личико, и я – ответ мироздания на все его молитвы. В этот момент его мать была в подсобке, а то ответила бы ему такой подзатыльник, что он улетел бы в другой конец магазина. У нее очень строгие взгляды на флирт и секс вне брака, и с некоторых пор я с ней солидарна.

Узнав о том, что я ищу работу, Темперанс пообещала замолвить за меня словечко в молитве на сон грядущий. Ну вот, дело на мази. Укороченный вариант типа «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь» – это не про Темперанс. Она толкует с небесами обстоятельно и пространно, и при ее содействии, считай, ко вторнику я буду трудоустроена.

Деньги, которые Луиза перевела мне на жизнь, я отправила назад. Я очень признательна ей за это, но оставить их мне представляется неправильным, нехорошо уже то, что я взяла сумму для Шардоне. Я – лохушка, в кармане дырка, откладывать на черный день не умею, но это не вина Луизы. От нее я получила гораздо большее – подтверждение того, что она верит в меня и в мой шекспировский проект. Я отважно – и по глупости – сказала себе, что скорее умру от голода, чем воспользуюсь ее добротой, упустив из виду, что голодная смерть может стать реальностью. Эта невеселая мысль пришла мне в голову, как только деньги ушли со счета.

Но я твердо намерена справиться сама. То, что она в меня верит, значит очень много, но больше я не возьму у нее ни пенни.

Сейчас необходимо отыскать оптимальный способ обеспечить финансирование. Я уже давно подумываю о том, чтобы загрузить всю собранную информацию в приложение и сделать его бесплатным, а зарабатывать на рекламе. Объявления раздражают, но вся фишка в том, чтобы информация была общедоступной, особенно это касается тех, кто живет непривилегированной жизнью. Детей, которые – в отличие от меня – родились не с золотой ложкой во рту.

Еще можно обратиться в организации типа Совета по делам искусств, которые занимаются финансированием благотворительных литературных проектов, или пойти проторенной дорожкой – в банк, но я подозреваю, что деньги мне дадут из-за фамилии и папы. А я этого не хочу. Я знаю, что это – мой актив, что мне повезло иметь такую возможность, и, не исключено, в какой-то момент мне придется ею воспользоваться. Это тот редкий случай, когда цель оправдывает средства, но будет лучше, если я обойдусь без посторонней помощи. Я хочу доказать себе – и им, – что я в кои-то веки могу справиться собственными силами.

Так что нынешний вечер целиком посвящен поискам финансирования. На минуту я позволяю себе отвлечься от практических планов и принимаюсь фантазировать о том, как найду деньги и буду ходить по школам и открывать волшебный мир Шекспира тем, кто боится к нему приблизиться. Я буду стоять в окружении детишек в школьном зале и объяснять, почему эти пьесы актуальны в наши дни. Почему история Капулетти и Монтекки вполне может разыграться на улицах Истона. Почему душевные терзания Гамлета созвучны чувствам, которые обуревают молодых людей в двадцать первом столетии. И почему зло в лице Яго никогда не дремлет.

Запах горелой чечевицы возвращает меня в реальность. Похлебка хиппи пузырится на плите, и при мысли о том, что ближайшие несколько дней придется питаться ею одной, на душе становится тоскливо.

Брррррр.

Звонит телефон, номер незнакомый. Отвечать не буду. Потом я вспоминаю, почему пальто до сих пор мокрое, нос мерзнет, а на плите – подгоревшая чечевица, и решаю ответить.

– Привет, Белл. Это Рори Уолтерс.

– Рори?

Прикол. Было приятно увидеться с ним вчера – когда натыкаешься на людей из прошлого, возникает теплое чувство узнавания. Но зачем он звонит *мне* сейчас?

– Решил тебя побеспокоить. Хотел обсудить кое-что, но это деликатная тема.

Ясно, разговор пойдет о папе. Только этого дерьма мне и не хватало. С другой стороны, он же мне отец, так что придется. Долг и все такое.

– Понятно, про деликатность можешь не объяснять. Чем могу помочь?

– Мы можем встретиться?

– Встретиться? – Господи, грехи мои тяжкие. – Я... э-э ... ну да. – Я закрываю глаза. –

Когда ты хочешь? И где?

– Ты по-прежнему живешь в Бристоле?

– Ага. А ты тоже здесь остановился?

– Нет, в Бате, но в данный момент я у мамы. Я собирался ехать назад, но если ты свободна, то мы могли бы пересечься сейчас.

– Сейчас?! И что, народ обычно соглашается на такое твое предложение?

В ответ он смеется, и мне нравится его смех. Он басовитее и полнзвучнее, чем мне помнится.

– Обычно нет, но я надеялся, что ты согласишься. Это не отнимет много времени.

– Ладно. – Я смотрю в окно. Теперь по стеклам барабанят крошечные градинки. – Тогда подъезжай ко мне.

Я даю ему адрес.

– Это недалеко от той улицы, где ты жила раньше?

Он снова смеется, и в комнате становится теплее.

– Ага. Стоит мне влюбиться в место, и я сохраняю ему верность.

– У тебя всегда был нестандартный вкус. И, наверное, по-прежнему бардак такой, что черт ногу сломит?

– Сноб и чистоплюй.

– Ха! Не соглашусь. Это не я учился в школе для «золотых» деток.

– Тот факт, что она была платной, не означает, что она была лучше. Ранний секс, эмоциональная отстраненность и как забивать косяки – вот все, чему я там научилась в том возрасте, когда полагается кататься на пони.

– А у тебя был пони?

– Не-а. Слушай, если хочешь встретиться, то давай подтягивайся.

Считается, что девушки любят болтать по телефону, но это не про меня. Тридцать секунд – оптимальная продолжительность, три минуты – с теми, кого люблю. И без вариантов. Единственные исключения из этого правила – Луиза и Марша. Я предпочитаю видеосвязь, когда по лицу понимаешь реакцию собеседника.

– Ха! Ладно, уже еду. Буду через полчаса, мисс Уайльд.

* * *

Точно через полчаса раздается звонок. Я одергиваю топ и нажимаю на кнопку домофона. Живот урчит, запах гари еще не выветрился. Я слышу на лестнице его шаги и натягиваю топ ниже, чтобы скрыть живот. Затем подтягиваю вверх – чтобы не так была видна ложбинка груди. Черт. Вот поэтому я люблю проводить вечера в одиночестве.

Тут я вспоминаю, как он рыдал в больнице.

Тут я вспоминаю, как полчаса назад он смеялся по телефону.

Он стучит в дверь. Прямо у меня под ухом. Ну, привет, проходи. Я мысленно настраиваюсь на спокойный деловитый тон и открываю дверь.

Он здесь. Прямо тут. И глаза зеленющие. Может, линзы? Таких глаз не бывает! Вот ты, значит, какой, да? Взрослый Рори, весь из себя учтивый, в красивой одежде и с акцентом, намекающим на то, что твоя новая жизнь протекает в других широтах. Для такой лохушки, как я, ты слишком изыскан. Я отступаю внутрь, давая ему войти, спотыкаюсь и с тоской думаю о том, что сейчас он увидит мою квартиру. После университета я никуда не продвинулась, а он оказался на другом конце света.

– Ну, проходи.

Я старательно маскирую смущение широкой улыбкой и тут замечаю, что у него в руках коричневый бумажный пакет, на боку которого островком расплылось жирное пятно. Господи, не допусти, чтобы я сидела, смотрела и вдыхала запахи еды навывнос.

– Я принес поесть. Надеюсь, ты не против.

А вот это зависит от того, предложишь ли ты мне присоединиться. Или предполагается, что я буду сидеть и смотреть, как ешь ты.

– Нет, конечно.

Я произношу это дрогнувшим голосом, а живот снова предательски урчит. Спасибо, организм, не подвел.

– Значит, вовремя. – Рори улыбается. Это означает, что еда на двоих. Я мысленно вскидываю кулак в победном жесте. – Это из «Тали». – При упоминании ресторанчика за углом я сглатываю слюну. – Мне нравится тамошняя кухня, со дня прилета хотел туда зайти, – добавляет он.

– В обмен на «Тали» готова ответить на вопросы о папе. Ты взял салат и, ох, эти кокосовые фиговины?

– Ха! взял, но разговор будет не о твоём папе, – говорит он, следуя за мной на кухню.

– Что?

Я резко поворачиваюсь в тесном кухонном пространстве и выбиваю у него из рук пакет. Он описывает поворот вокруг своей оси и, снова оказавшись в руках у Рори, еще пару секунд качается на манер маятника. Я закрываю рот и смотрю на Рори – сердце колотится так громко, что даже мертвый проснется. Рори улыбается.

– Я пришел поговорить не о твоём отце.

– Но все всегда хотят говорить о нём. И потом, ты сказал, что тема деликатная. А это точно по его адресу.

– Может, поедим?

– Опасаешься, что моя вторая попытка выбить пакет у тебя из рук увенчается успехом?

– Ага.

– Следовало тебя предупредить, что, находясь со мной на кухне, ты вправе претендовать на надбавку за работу в опасных условиях.

– Я еще в универе понял, что пребывание в твоей орбите дает на это право.

– Ой.

– Шутка. На диване или за столом? – интересуется он, принимая от меня тарелки.

– Я – человек диванный, но, как мы оба понимаем, обязательно что-нибудь уроню, а действовать на нервы соседке мне не хочется. Честно говоря, со мной существует единственный безопасный способ – надеть слюнявчик и есть на ступеньках.

– Тогда на ступеньках.

Он подходит к двери, поворачивается, улыбается, и затем возвращается к столу и начинает доставать еду из пакета, а я расставляю тарелки и приборы.

– Вчера у нас не было возможности толком поговорить.

Он смотрит на меня, а я продолжаю возню с вилками и избегаю его взгляда.

– Ага, застольные разговоры – это по их части. Рот лучше держать на замке и переждать.

Мы садимся за стол, мой живот ликующе урчит. Цыпленок по-кералански, картофель в специях, кокосовый рис, всяческие соусы и мой любимый салат, супер!

– Расскажи о себе, чем занимаешься?

Зачем ему знать обо мне? Рори поднимает голову и ловит на себе мой взгляд – глаза у него серьезные. Он не нарушает молчания, просто оценивающе смотрит на меня и ждет ответа.

– Что ты хочешь знать?

Это звучит агрессивнее, чем мне хотелось бы, но он не реагирует на резкость.

– Чем ты сейчас занимаешься?

Ем вкусное карри и уклоняюсь от вопросов, на которые не знаю, как отвечать. А что тут скажешь? Что в тридцать один год меня по-прежнему прессуют родители, что я безработная, в полном дерьме и рада-радешенька, что ты принес поесть?

– Я только что закончила «Зимнюю сказку».

Я улыбаюсь ему – при этих словах губы сами собой растягиваются в улыбке.

– Шпинат.

Это он про мой рот. Разумеется, трава застряла. Я провожу языком, нахожу ее и как можно аккуратнее вынимаю.

– Ты ее только что прочитала?

– Нет! – Я смеюсь. – Я только что закончила ее разбор. Для проекта, которым занимаюсь. С точки зрения алфавитного порядка, «Зимняя сказка» стоит последней. Я не знала, как располагать материал – по годам или по алфавиту, а потом подумала, что по годам будет сложновато для тех, кто не в курсе, а алфавит знают все. Не важно. Я занимаюсь проектом.

Не таракти. Он спрашивает из вежливости.

– У тебя ведь диплом был по Шекспиру?

– Да, бабушка привила мне любовь к нему, когда я была маленькой. И как только ты это помнишь?

Он улыбается и пожимает плечами. Это мило. Нет, не так. Это Рори Уолтерс, он сейчас большой человек, так что не увлекайся.

– Вообще-то я вчера случайно подслушал твой разговор по телефону. Ты говорила о своем проекте, и я предположил, что он связан с Бардом. Мне стало интересно.

– Правда?

– Правда. Я хотел бы на него взглянуть.

– Правда?

– Правда!

Он снова смеется. Его лицо меняется, становится открытым, и мне хочется ему верить. В этот момент на память приходят слова короля Дункана из «Макбета»: «Никто не распознает душу по лицу». Сколько раз я корила себя за то, что забывала об этом. Пусть Рори весь из себя распрекрасный и в студенчестве слыл хорошим парнем, но сейчас он работает с папашей, а это говорит о многом.

Остерегайся этого красивого лица, говорю я себе. Спротивляйся. Он просто вежлив. Такое бывает сплошь и рядом, и за этим ничего не стоит. Но чтобы кто-то изъявлял желание послушать о проекте? Этого никогда не бывало. Никогда. Дам себе воли на пять минут и остановлюсь. Да, пять минут, не больше.

Я поддвигаю стул ближе и открываю ноутбук.

– О, боже. И все эти файлы твои?

– Ага. Все мои. Я брала пьесу за пьесой и к каждой создавала руководство, написанное очень доступным языком.

– Для всех пьес? – Брови у него ползут вверх.

– Ага. И для сонетов тоже.

– Сонеты мне помнятся с университета. Тогда я думал, что сонет как любовное послание – это верх совершенства. – Говоря это, он выглядит смущенным. – Что ж, вернемся к пьесам. Покажи, что ты сделала.

– Вот, смотри.

Чтобы его не смущать, я оставила замечание о сонетах без комментариев, хотя это прозвучало очень мило, и щелкнула по папке «Сон в летнюю ночь».

– Руководство содержит описание всех сцен пьесы, а также синопсис каждого акта и дословный перевод всех строчек на современный язык, понятный детям, а не в духе школьной болтологии, а также комментарии к темам и персонажам, снабженные перекрестными ссылками. Они не сильно отличаются от учебных пособий с кратким пересказом или...

Я смотрю, как он скользит взглядом по странице, перебегает от строчки к строчке.

– На мой взгляд, отличаются. У тебя более доверительная интонация, разговорная. Не сухая. Мне нравятся эти дословные переводы. Местами забавные, цепляющие... – Он не отрывает взгляд от страницы и тянется к тачпаду. – Можно?

– Конечно.

Он прокручивает страницу вниз, а я наблюдаю за его лицом. Он читает, быстро шевеля губами.

– Это замечательно... «Любовь глядит не взором, а душой...»⁸ Мне всегда нравилась эта фраза.

– «Крылатый Купидон – божок слепой», – продолжаю я цитату. – Мне тоже. Об этом мне следует помнить и не западать на симпатичную мордашку. Ум и характер – вот что важно. Видишь, он, как всегда, мудр.

Рори поднимает глаза от ноутбука и смотрит на меня. По спине пробегает холодок, отдаваясь дрожью в каждом позвонке. Волосы у него чуть падают на лицо, одна кудрявая прядь отбилась от остальных, лицо оживленно – так оно выглядело, когда он смеялся. Я млею. Наверное, такое чувство бывает у победителей музыкального шоу «Икс-Фактор». Я уже давно перестала искать извне одобрения тому, что для меня значимо. Я учусь быть счастливой и оценивать себя сама, а срывы после посещения родительского дома не в счет. Но, если честно, никогда бы не подумала, что чье-то мнение вызовет во мне такой бурный отклик. Это что-то ненормальное. И нечего на него пялиться так, точно он подарил мне слона на Рождество.

– Тут столько контента, это невероятно. Остальное в том же духе? – Он снова пробегается глазами по файлам. – У тебя есть карты всех мест – вымышленных и реальных?

– Да, всех, каких возможно.

Можно подумать, я открыла пенициллин, поставила мировой рекорд в беге на тысячу метров и приземлилась на Луну, причем все разом, но ощущение упоительное. Знаю, что не должна хвастаться, но не могу сдержаться.

– И учитывается разный уровень осведомленности, скажем, ученики младшей школы, которые вообще ничего не знают, – это одна история, а те, кто хочет получить доступное объяснение поговорок, которые ввел в оборот Шекспир, – другая...

– Типа «В долг не бери и займы не давай».

– Точно. Или не менее популярная «Прибью вас, как дверные гвозди»⁹. Или «Едва дыша и с трепетным смиреньем»¹⁰.

– Или «Не сдвинусь с места ни на йоту»?¹¹

⁸ Шекспир У. Сон в летнюю ночь. Акт I, сцена 1. Пер. М. Лозинского.

⁹ Шекспир У. Генрих VI Часть 2. Акт IV, сцена 10. Пер. Е. Бируковой.

¹⁰ Шекспир У. Венецианский купец. Акт I, сцена 3. Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

¹¹ Шекспир У. Укрощение строптивой. Пролог. Пер. М. Кузмина.

– Ага. И «Краткость есть душа ума»¹².

– Идея понятна. «А землекопа взорвать его же миной!»¹³

Рори подмигивает, и я в ответ вскидываю бровь, точно он проказливый школьник.

– Мое руководство рассчитано на все уровни, включая студентов-выпускников, и создает возможность перехода к академическим источникам типа JSTOR¹⁴. Обновления еженедельные, так что информация актуальная. А здесь... – Я наклоняюсь. – Здесь исходники, которые он использовал в качестве материалов для создания своих пьес. Например, сюжет моей любимой «Зимней сказки» был позаимствован из романа Роберта Грина «Пандосто», написанного в 1588 году, а «Сон в летнюю ночь» во многом опирается на «Метаморфозы» Овидия, датированные 8 годом н. э.

– Ясно. – Он улыбается. – И сколько времени у тебя на это ушло?

Мы так близко друг к другу, что я чувствую его дыхание на своем лице. Тарелки сдвинуты в сторону, еда на них, само собой, остыла. Это перебор, какой-то наплыв эмоций. Что происходит? Дистанцироваться, срочно нужно дистанцироваться. Я откидываюсь на спинку стула и перевожу дух. Приди в себя. И говори нормально.

– Вся жизнь.

Я надеюсь, мой тон не выдает смятения чувств, которые меня обуревают. Это, конечно, из-за того, что после смерти бабули никто не проявлял особого интереса к моей работе. Плюс еда вкусная, и я немного возбуждена – еще чуть-чуть, и мне захочется сунуть руки ему под рубашку. Я уже давно практикую воздержание. Слишком давно. Нужно держать себя в руках, а не то выставлю себя полной дурой.

– Догадываюсь. И как ты еще умудряешься работать?

В ответ я кривлюсь. Можно, пожалуй, сказать, что я никогда не ставила работу на первое место.

– И что ты хочешь с этим делать? Что дальше?

Он щелкает мышкой и прокручивает файлы.

– Что ты имеешь в виду?

Я надеюсь, что правильно поняла его вопрос, но до сих пор никто, кроме Луизы, не спрашивал об этом. Если скажу, он, чего доброго, поднимет меня на смех.

– Ты намерена защитить диссертацию и стать ведущим шекспироведом?

– Ха! Это было бы круто, но нет, моя цель не в этом. Я подумываю сделать общедоступное приложение, и когда оно заработает и у меня появится репутация, я хочу представлять его в школах, возможно, сделаю подкаст. Но главная мечта – школы. Я считаю, что разработала информационные пакеты для всех возрастов. Как я уже говорила, я подошла к вопросу очень детализированно. Мне бы хотелось донести свой проект до тех, кто считает Шекспира недоступным, вязнет в его языке, бросает взгляд на страницу и думает: нет, это не для меня. Большинство людей заведомо списывают его со счетов, а правда в том... правда в том, что в нем очень много *правды*. Сколько на свете Дездемон, которые влюбляются очертя голову, несмотря на то что родные не одобряют избранника? Или возьмем Леонта из «Зимней сказки» – вылитый мой папочка. Здесь, в Бристоле, подростковые банды ведут себя, как в «Ромео и Джульетте», и в них всегда найдется Меркуцио, который расплывается за эту жизнь, хотя активно пытается предотвратить стычки между Капулетти и Монтеки. Шекспир должен быть во всех учебных программах, потому что он... такой человечный и до жути, блин, актуален в наши дни.

Слова вылетают у меня изо рта – торопятся, спотыкаются, валяются друг на друга, как цирковые акробаты в полосатом трико.

¹² Шекспир У. Гамлет. Акт II, сцена 2. Пер. М. Лозинского.

¹³ Шекспир У. Гамлет. Акт III, сцена 4. Пер. М. Лозинского.

¹⁴ Цифровая база данных полнотекстовых научных журналов, а также книг.

– Мне хорошо от сознания того, что чувства, которые я испытываю, уже испытывали до меня, что я не одна, и так было всегда. Все люди, которые были до меня, тоже это чувствовали. И это помогает, способствует душевному здоровью, удерживает от хождения по кругу, когда мне приходится нелегко – и в житейских ситуациях, и с людьми. Я знаю, что это нормально. Что касается нормальности, будь то Утрата, или Офелия, или такая, как Паулина – она настоящая заноза в заднице, – это встречается не так-то часто. Но я не считаю, что все проблемы, все мировое зло можно сокрушить одним шекспировским актом...

Я осекаюсь и хихикаю – оттого, что так увлеклась и из-за двусмысленности. Я обожаю двусмысленности.

– Как всегда, в своем репертуаре, да, Уайльд? Не можешь без скабрзностей?

Рори смеется, и я, к полной для себя неожиданности и забыв о том, что за окном ночь, принимаюсь рассказывать ему о своих мечтах, страхах и увлечениях.

*Нет, твой верный друг лишь тот,
Кто по мере сил везде
Поддержать готов в нужде¹⁵.*

¹⁵ Шекспир У. Страстный пилигрим. Пер. В. Мазуркевича.

Пятое декабря

Рори

Мы проболтали с Белл до рассвета, а потом я свалился спать. Она зацепила меня рассказами о Шекспире – ее увлеченность заразительна. Мозги у меня кипели, фонтанируя идеями, связками, возможностями, дальнейшими шагами. Падая головой на подушку, я испытывал облегчение от того, что в ней роились не воспоминания, а что-то другое, однако, когда проснулся утром по сигналу внутреннего будильника, состояние было вялое и тупое.

Сейчас четыре часа дня, и мне кажется, что я нашел решение. Проект Белл настолько хорош, что обязательно должен работать, ей просто нужно найти финансирование. К счастью, среди моих клиентов есть компании со средствами и филантропическими склонностями. Главное – выбрать в союзники правильную. У меня есть ощущение, что Белл проявит щепетильность относительно источника средств, он не должен активно притязать на причастность – несколько предложений на сайте, но без желания все обклеить своим логотипом и вытатуировать ей на лице корпоративный бренд, как-то так. А это означает, что моя первоначальная идея, проблема, которую я собирался решить при ее содействии, ей не подходит. Им нужно брендированное спонсорство, чтобы рекламировать свои добрые дела, но мне удалось состыковать их с акустической компанией – те за милую душу согласились на корпоративную рекламу в обмен на денежное вливание. Но сейчас, когда я своими глазами увидел проект Белл, у меня появилась идея получше – я нашел для нее идеального партнера.

– Привет, как дела?

– А, Рори, привет.

Тон приятный, но, судя по всему, она удивлена моим звонком.

– Привет. Не хочу тебе досаждать, но, думаю, у меня есть то, что тебя обрадует.

Тут до меня доходит, что фраза звучит неоднозначно. Нет, секс – это последнее, что сейчас у меня на уме. Мысль о физической близости с кем-либо, кроме Джесс, мне претит, но Белл об этом знать необязательно.

Из телефона доносится громкий механический звук.

– Извини, не расслышала. – Слава богу! – Подожди... Марша, отойди от бензопилы.

Звук устрашающий. Я не знаю, кто такая Марша, но то, что Белл находится в двух шагах от бензопилы, меня несколько напрягает.

– Ты где?

– На елочной ферме, ты бы это видел. Здесь настоящая традиционная рождественская атмосфера. Сразу на душе становится веселее, в голове звучит «Рождество уже к нам ближе, ближе», и мысленно представляешь себе Бинга Кросби, рождественские носки, камин, подарки и запах корицы, апельсинов и сосны, вкус сладких пирожков...

О, господи. Я думал, она помешана на Шекспире. Теперь выясняется, что к тому же обожает Рождество.

– Я ненавижу Рождество, – говорю я.

Понимаю, насколько по-скруджевски это звучит, но это так. Мы с Рождеством больше не друзья.

– Ты что? – Ее удивлению нет предела.

– Так, ничего. Ты потом свободна?

– Нет. У меня Санкт-Николаус.

А это еще что за хрень? Судя по ее тону, все должны быть в курсе, что это такое.

– Что?

– Синтерклаас! Сегодня мы выставляем туфлю.

– А, ну так *гораздо* понятнее.

– Сегодня я ночую у Марши. Завтра мы украшаем дом, поэтому сегодня запасаемся елкой. Потом выставляется туфля, и видел бы ты поутру ее мордашку – это самое забавное. Это единственное время в году, когда мне разрешено баловать ее конфетами, так что момент эпохальный.

– Ясно. Вообще-то я надеялся увидеться с тобой сегодня.

Так ли это необходимо? Просто я точно знаю, что если не увижусь с ней сегодня, то шанс, который я для нее нашел, отправится в долгий ящик на неопределенный срок.

– Ну, тогда приходи. Я уверена, Луиза не будет против. Она тебя сто лет не видела. Давай подтягивайся. Это будет настоящее Рожд... Будет весело.

* * *

В шесть часов я стою на пороге дома Луизы. Это что-то нереальное. Всего два дня, как я вернулся в Британию, и уже принимаю живейшее участие в жизни Белл Уайльд. Столько лет о ней не думал, и вот, пожалуйста!

Сам дом довольно точно соответствует образу Луизы – какой она запомнилась мне в универе и какой я представляю ее сейчас. Дверь холодного серо-зеленого оттенка, аккуратный палисадник, элегантные керамические вазоны с искусно подобранными растениями, оливковое деревце, лавр, что-то в этом роде. Я погуллил ее перед приходом: она успешная бизнес-леди, у них с мужем органический бизнес по производству полезных и не содержащих сахара капкейков, что очень по-бристольски.

Луиза открывает дверь, и меня оглушает радостная рождественская музыка. Ох. То, что у Санкт-Николауса имеются побочки, я как-то упустил из виду.

Я справлюсь. Нужно сказать, что в Австралии, под палящим солнцем, рождественские мелодии воспринимаются как-то легче. Но я не позволю себе попасть в спираль негативных мыслей из-за гимна «God Rest Ye Merry Gentlemen».

Луиза безупречна. Точно готова в любую минуту оказаться в объективе фотокамер. Идеально ухоженная женщина чуть за тридцать. Думаю, ее появление в дневном телеэфире уже почти решенный вопрос.

– Давай проходи. Давно не виделись. Как поживаешь?

В ее приветствии нет примеси сочувствия, она не наклоняет голову, легкая тень озабоченности не мелькает на ее лице. Просто приятельница по университету приветствует старого знакомого. Слава богу. Этого момента я страшился, как только Белл меня пригласила. Микроужимки, сочувствие – я бежал, в частности, от этого.

– Спасибо, хорошо.

Мы направляемся на кухню, Луиза возится у плиты, божественные ароматы плавают в воздухе. Но мой взгляд обращен на Белл, которая сидит рядом. Они с Маршей раскрашивают оленя, и она советуется с девочкой о том, какой цвет выбрать. Каждый день я узнаю эту женщину с новой стороны. Интересно, какой еще бывает Белл Уайльд?

– Будешь глентвейн?

Луиза ставит на стол гору сладких пирожков и взбитые сливки в фарфоровой креманке, которая смотрелась бы идеально в буфете моей бабушки.

– Спасибо, но нет, я вообще-то не...

С другого конца стола на меня обращены почти черные глазищи – взгляд решительный, сверлящий.

– Моя мамочка делает лучший глентвейн. Самый лучший. Волшебный.

Договорив, Марша смотрит негодуя, и я, хотя никогда не считал себя слабохарактерным, капитулирую.

– Тогда ладно, охотно попробую. Только немного, я за рулем.

Белл и Луиза весело переглядываются. А что прикажете делать? Не могу же я огорчить малышку в канун Санкт-Николауса или как там его. Кроме того, в детстве я тоже ужасно гордился своей мамой и всем, что она делает, так что я понимаю Маршу.

И тут я вспоминаю, где видел этот мятежный взгляд. Ну, конечно! Она – та самая крошка, которая была в аэропорту, а темноволосая женщина – это, вероятно, Белл.

Вау. Как тесен мир.

Марша по-прежнему сверлит меня взглядом. Луиза наполняет стакан, я тотчас делаю глоток и креплюсь духом.

Вот уж не думал, что подогретое вино с пряностями – это мое, но корица, гвоздика, апельсин и мускатный орех отлично сочетаются и приятно щекочут нёбо.

Марша ловит мой взгляд и кивает с удовлетворенным видом.

– Что я и говорила. Моя мамочка... – Она так забавно это произносит, таким собственническим тоном. – Мамочка делает мне глинтвейн с яблочным соком. Это почти то же самое, только у меня потом не болит головка. Это мой самый-пресамый любимый напиток, но он бывает только перед Рождеством. Когда ты допьешь и мы съедим по пирожку – это моя самая-пресамая любимая еда, мы принесем елочку на завтра, да, мамочка и Белл?

Она смотрит на них, ожидая подтверждения.

– Да, – говорит Луиза, а Белл кивает, потому что у нее во рту пирожок. Так славно здесь сидеть, за этим столом – пожалуй, такой расслабленной я никогда Белл не видел. Вчера в своей квартире она была воодушевлена, увлеченно говорила о своем проекте, а здесь явно чувствует себя спокойно, и то, как она держится, тому подтверждение. Тело не напряжено, точно в ожидании очередных нападков, в ней чувствуется мягкость.

– Рори, а ты – парень Белл, да? – спрашивает Марша.

Вопрос – как гром среди ясного неба. Мне неловко. Нужно просто ответить «нет», вопрос несложный, но слова застревают у меня в горле. Сердце бешено стучит, сама мысль вызывает во мне панику.

– Нет, Марша, они просто друзья, как ты с Каем из садика, – быстро разряжает ситуацию Луиза, а я перевожу взгляд на Белл, которая сидит красная и почти в такой же прострации, как я.

– На прошлой неделе Кай был моим парнем, но ему не нравится «Щенячий патруль», поэтому я с ним больше не вожусь. А тебе тоже не нравится «Щенячий патруль»? – обращается ко мне Марша.

– Э-э... Я просто... э-э...

В общем, верх красноречия.

– Марша.

В голосе Луизы слышится предостережение. Марша ноль внимания.

– Это из-за стенки, Белл, из-за стенки, за которую мамочка тебя ругала, да?

– Довольно! – Луиза поднимается. – Извините, ей, похоже, пора в кровать. – Марша отчаянно мотает головой. – В таком случае хватит приставать с вопросами к нашим гостям, и пойдем за елочкой.

Я испытываю огромное облегчение – Белл, судя по всему, тоже, – и мы заносим в дом елку.

– Тот дяденька сказал, что елочка на два года старше меня, – сообщает очень гордая Марша, – но я, наверное, буду жить дольше. Мамочка говорит, что в конце концов убивает все зеленое, но я смуглая, так что со мной все будет в порядке.

Вечер протекает в комфортной и веселой атмосфере, мы украшаем елку гирляндами из попкорна и смеемся над выходками героев мультфильма «Первый снег». Давно я не чувствовал себя настолько хорошо – обычно моя голова забита делами: сделал одно, сразу берусь за другое. Только когда Луиза и Белл принимаются укладывать Маршу – при этом малышка несетя вверх по лестнице, так что только пятки сверкают, с воплем «пребольшущая туфля, пребольшущая туфля!» – до меня доходит, что я в гостях уже часа два и до сих пор не озвучил свой план Белл. Ну и где же твой хваленый профессионализм?

После большой суматохи женщины, посмеиваясь, наконец-то спускаются вниз.

– Еще глинвейна, Рори?

– Нет, спасибо, хотя он действительно вкусный. Твоя дочка была права.

– Марша необъективна, но лесть всегда приятна. Рада, что ты пришел, Рори, так здорово повидаться спустя столько лет, а теперь скажи, какие у тебя намерения относительно нашей Белл.

Белл

О, господи. У меня отваливается челюсть. Я люблю Луизу, но порой мне хочется ее убить, и сейчас тот самый случай!

О чем она вообще думает? Все было так славно, и тут ба-ба-х! Не иначе как черт ее дернул рвануть эту бомбу. Удивляюсь, как нашей миссис Деликатность хватило ума не добавить: «Давай, выкладывай во всех подробностях, как там погибла твоя подружка, не стесняйся!»

Рори, к его чести, улыбается, пунцует, как и я, и уверяет, что у него ко мне чисто профессиональный интерес.

Я в данный момент слишком сконцентрирована на том, чтобы вернуть лицу естественный цвет, выравнивая дыхание и лелея план мести Луизе.

– Тогда зачем она тебе ... в профессиональном смысле?

Луиза вскидывает бровь, и, по правде говоря, иди речь не обо мне и о Рори, блин, Уолтерсе, меня бы точно пробило на хи-хи. С такой мимикой, как у Луизы, можно выступать в комедийном шоу. Я наклоняю голову набок и жду, затаив дыхание. Вопрос поставлен правильно. Что у него ко мне за профессиональный интерес? Вчера по телефону он сказал, что хочет обсудить деликатную тему, приехал, а потом мы увлеклись проектом, и он так и не объяснил, зачем приходил. Тогда это позабылось. И что все это было?

– Вчера ты показала мне... – начинает Рори.

Луиза снова вскидывает бровь, и я из пунцовой становлюсь багровой.

– Ты все неправильно понимаешь, – обращается он к Луизе, и я киваю. Это точно. – Белл показала мне свой проект, и я обалдел. Он потрясающий.

– А что я тебе говорила! – Луиза всплескивает руками. – Правда же, да? Я знаю, что она им гордится, и правильно, но мне кажется, она сама не понимает грандиозности и значимости того, что сделала.

– Да нет, я в курсе, сколько сил в него вбухано, но, когда нет жизни, это плюс. – Я смотрю себе на ноги, и тут до меня доходит, что говорить такое при Рори не очень-то тактично. Черт. Надеюсь, он понимает, что это я фигурально выразилась. Что так я маскирую смущение, когда меня расхваливают. Лучше бы держала рот на замке. Я наклоняюсь и тру край ботинка, делая вид, будто не знаю, что это царапина.

– Я с тобой полностью согласен, Луиза, и считаю, что проект достоин широкой аудитории, – говорит Рори.

Луиза энергично кивает. Я старательно пучу глаза. В детстве, когда мне было некомфортно, я закрывала глаза – блокировала неприятный момент, пока он не проходил. Но теперь я выросла и знаю, что ни Рори, ни Луиза не хотят доставлять мне дискомфорт. Не их вина,

что мне так кринжово. Я ненавижу находиться в центре внимания, мне там неуютно, и, если честно, это никогда ничем хорошим не заканчивалось. *Белл, ты соображаешь, что делаешь? Опять, вечно ты, кто ж еще?! Если нужно всех осрамить, то это к тебе... Почему с тобой всегда так сложно? Неужели нельзя быть, как все?* Я отключаю голоса сородичей, концентрируюсь на том, что происходит вокруг, и настраиваюсь на голос Рори.

– Поэтому я хорошенько подумал, но не хочу показаться мудаком, который с умничающим видом набрасывает идеи – де, вот что нужно делать дальше, поэтому, если так считаешь, я сразу закрою рот и сойду со сцены.

Я смотрю на него из-под ресниц и вижу, что он тоже слегка не в своей тарелке. Я натянута улыбаюсь – со стороны может показаться, что я копирую Хоакина Феникса в роли Джокера, но на самом деле моя улыбка призвана транслировать: *я знаю, у тебя хорошие намерения, не дрейфь, валяй дальше.*

– Это мы поняли, продолжай.

Луиза уже сместилась к краю дивана.

– Ты сказала, что хочешь сделать свой проект доступным для всех, особенно для молодых людей, и я понял, что могу тебе помочь, просто поначалу не знал, как именно. У меня была пара идей, и сегодня я их прорабатывал. Но если ты откажешься...

Он внимательно смотрит на меня, и я понимаю, что должна поднять на него глаза. Ему нужно подтверждение.

– Боже правый, не тяни! – восклицает Луиза.

– Так вот, исходя из того, что ты сказала насчет приложения как первого шага, я прикинул, что следует проработать вопрос о том, что именно требуется для создания бесплатного приложения.

– Да, это было бы здорово. Только я не знаю, как это делается, а обратиться за помощью мне не по карману. Я уже пыталась.

– Верно. По моим прикидкам, чтобы нанять разработчика, потребуется тысяча двадцать-тридцать, а еще нужно спроектировать UX, сделать приложение удобным, и не будем забывать про тяжелый труд программистов, про CMS и прочее, и про то, что приложение нужно вывести на рынок.

– Я половину не поняла из сказанного.

– UX – это опыт пользователя, а CMS – система управления содержимым, чтобы, когда приложение заработает, можно было вносить изменения, актуализировать его, верно? – вмешивается Луиза. Она уже не так возбуждена – на ней вновь деловое лицо.

– Откуда ты все это знаешь?! – восклицаю я.

– Пусть я произвожу капкейки, но иду в ногу с бизнесом и современными технологиями.

– Верно. – Он кивает Луизе, а затем поворачивается ко мне: – А потом, когда приложение заработает и появится в магазине, потребуется еще не меньше двадцати штук на рекламную кампанию. Понимаю, цифры нешуточные, но в твоем случае они оправданны. Для SEO тебе потребуется кто-то крутой.

– Для поисковой оптимизации, – поясняет Луиза.

– Хватит выпендриваться!

Я говорю это и чувствую, как внутри все холодеет. Я столько лет мечтала завершить свой проект и вывести его на новый уровень, и что в итоге? Все псу под хвост. Рори, надо думать, знает, о чем говорит. Когда он озвучивал эти цифры, Луиза даже глазом не моргнула, но таких денег мне не собрать – в Совете по делам искусств их не выделяют, и обращение в школы тоже ничего не даст. Я стараюсь не показывать лицом, что все мои надежды умерли и лежат во прахе.

– Верно, а затем еще маркетолог социальных сетей для микроцелевой рекламной кампании, направленной не просто на привлечение учащихся и преподавателей, занимающихся

английским языком, но конкретно на детей, которые не посещают академические и образовательные сайты. Это влетит в приличную сумму.

– Ясно.

К этому моменту я уже не стараюсь скрыть уныние.

– И, конечно, твоя зарплата. Это также необходимо учесть. Ты не сможешь перейти к следующему этапу, ходить по школам, встречаться с директорами и так далее, если будешь сорок часов в неделю заниматься чем-то никак с этим не связанным, чтобы оплачивать счета.

– Все верно.

Я киваю. Он может не продолжать.

– Таким образом, речь идет о стартовом бюджете в размере семидесяти пяти тысяч, а затем будут текущие расходы.

– Когда ты так разложил все по полочкам...

– Верно, задача представляется более решаемой, мы знаем, к чему стремимся.

Серьезно?

– Ну, я собиралась сказать не это. Но спасибо, судя по всему, ты потратил немало времени на обдумывание. – Я встаю, испытывая сильное желание сменить тему. – Выпью-ка я еще. Кому-нибудь налить?

– Сядь, твою мать, назад, женщина. Он еще не закончил.

– А я уже закончила, разве не ясно? Труп можно не расчленять, он и так уже гниет.

– Господи, да сядь же ты! – Луиза, сидящая на диване, резко дергает меня за рукав, и я снова плюхаюсь на место.

– Я бы прислушался к подруге, – говорит Рори, поблескивая зелеными глазами.

– Я прислушивалась к ней в колледже, и что мне это дало? Пристрастие к травке и инфекцию, передающуюся половым путем.

– Я тебя помню в колледже, – усмехается Рори. – Так что Луиза тут ни при чем.

– Она была просто чума, – усмехается Луиза. – Я выбрала ее в крестные для дочери, потому что у нее самое доброе сердце, хотя привычки самые скверные. Белл – по-настоящему хорошая. – Я бросаю на нее предостерегающий взгляд, дескать, умолкни. Она меня игнорирует. – Сердце и характер изменить не получится, а над привычками можно работать, и поскольку она взяла Маршу на руки, как только та появилась на свет, и принялась испускать феромоны любви и заботы, я сказала, что если она хочет быть в жизни моей дочери, то я должна доверять ей и не переживать о том, что к ней завалится очередной неподходящий дружок или на кухонном столе будет валяться пакетик с травкой. – Луиза переводит взгляд с Рори на меня, и мы смотрим друг на друга с той теплотой, которая рождается из многолетней дружбы.

– Да, и с тех пор у меня не было секса, – усмехаюсь я и очень по-папиному развожу руками.

– Ну, ты и дрянь! Сама знаешь, что это неправда.

– Почти правда. Но с травкой я практически завязала и никогда не курю при Марше или когда вот-вот с ней увижусь. И полностью завязала встречаться с лузерами, потому что вообще забила на отношения. В настоящее время и в обозримом будущем в моей жизни секса нет. Вся моя любовь принадлежит Лу и Марше.

– Рад за тебя, но, мне думается, эта идея тебе тоже полюбится. Я перехожу к сути. У меня есть клиент, можно сказать, друг, который охотно инвестирует в благотворительные образовательные инициативы. Он заинтересован в проектах, ориентированных на начальную школу и существующее там неравенство возможностей. Для тебя сумма в семьдесят пять тысяч может показаться огромной, а для него это капля в море, и, когда я ее озвучил, он даже глазом не моргнул. Он хочет встретиться с тобой и узнать, как ты собираешься реализовывать свой проект в школах, а также разрабатывать приложение. Подумай, как ты могла бы вписаться со своим

Шекспиром в учебную программу младших классов, когда они проходят Тюдоров. Ты могла бы на ранних порах объяснить детям, что старых текстов не нужно бояться. Рассказать о ритме, каденции, рифме. Если это получится, он поможет тебе в средней школе и в колледжах. И, по счастливому стечению обстоятельств, он до завтрашнего вечера в Бристоле и предложил встретиться лично. Что скажешь?

А что тут скажешь? У меня нет слов.

Рори кладет руку поверх моей и тихо шепчет:

– Эй, «коль мы готовы духом, – все готово»¹⁶.

Я не смею поднять глаза на Луизу.

*Целомудрие дороже всяких богатств*¹⁷.

¹⁶ Шекспир У. Генрих V. Акт IV, сцена 3. Пер. Е. Бируковой.

¹⁷ Шекспир У. Конец – делу венец. Акт III, сцена 5. Пер. М. Донского.

Шестое декабря

Белл

– В-а-а-а-у-у-у!

Я приоткрываю глаз под вопль Марши, пронзающий воздух. Мы спим валетом в ее кровати. Эта традиция началась, когда мы впервые отмечали Синтерклаас – тогда ей было два, – и предполагаю, что через несколько лет она закончится. В самом деле, не станет же она настаивать на том, чтобы я спала с ней в одной кровати, когда перейдет в среднюю школу? А пока будем оттягиваться на полную катушку. И да, сейчас *пять* часов утра.

– Смотри, Белл!

Она с таким энтузиазмом машет огромной плиткой «Милки», что заезжает мне по голове. Ох.

– Вот это размерчик, Маршуля-лапуля!

– Я знаю. Она пре-огромная. Даже в туфлю не влезла. Ей нужна не одна, не две, не три, не четыре, а шесть туфель. Мне ее навсегда хватит.

– Думаешь?

– М-м-м-м... держи, ш-ш-ш!

Она отламывает мне кусочек плитки и прикладывает палец к губам. Ей всего пять, а она уже знает, как сделать из меня сообщницу, чтобы я на нее не наступала. Луиза, конечно, потребует, чтобы дочь растянула шоколад до самого Рождества, а потому Марша, понятное дело, стремится схмячить как можно больше, пока мать не проснулась.

– У меня есть «Свинки Перси» и вот еще что... – Она показывает гелевые ручки. – И вот... – Это раскраска с персонажами Беатрис Поттер. Марша ее книжки обожает, да и кто способен устоять перед обаянием миссис Туфф? – Еще скалка... – Я быстро уворачиваюсь, чтобы не прилетело по голове. – И огромный пакет оленьих каках!

Это она про изюм в шоколаде. Мы залезаем под одеяло – вместе раскрашиваем миссис Туфф и поедаем шоколад, пока можно.

Я собираюсь уходить домой, когда приходит сообщение от Рори с адресом и временем встречи. Похоже, дело на мази. Надолго это не затянется, его друг – человек занятой, как было сказано, но, видимо, не настолько занятой, раз готов расстаться с семьюдесятью пятью косяками на условии личной встречи. Он может со мной увидеться после службы в церкви.

Адрес в районе церкви Святого Павла, это в пятнадцати минутах ходьбы от моей квартиры – через подземный переход, в двух кварталах. На самом деле, я думаю, что это недалеко от подпольного клуба, в который я навевалась, когда была моложе. Большая стальная дверь с люком, пароль, все дела. Словом, мутное местечко. Днем и на трезвую голову я бы вряд ли его нашла. И уж точно не сегодня, когда мне за тридцать.

– Не накручивай себя, – сказал Рори вчера вечером, – у вас много общего. Мы с ним знакомы с первого класса. Он с одного взгляда понимает, кто перед ним – объект, достойный инвестирования, или темная лошадка. Он всегда принимает решения подобным образом. Думаю, он тебе понравится.

– Совсем не обязательно, чтобы он нравился мне, – ответила я тогда. – Это я должна ему понравиться.

Но в глубине души мне было не по себе. Может, подготовить презентацию? Я поинтересовалась этим, понимая, что двенадцать часов – это очень небольшой срок. Не нужно, заверил Рори, просто приди, честно ответь на все вопросы, которые он задаст, и все.

Класс, мне предстоит встреча со светилом в области парапсихологии, а все, что я смогу ему предложить, – это я сама. О какой накрутке может идти речь?!

Прежде чем самооценка начнет стремительно пикировать, я решаю пересмотреть свой образ мышления. Не нужно циклиться на недостатках и на том, как этот человек будет меня воспринимать. Если я ему не понравлюсь, от этого мне хуже не станет.

Также нужно найти способ отблагодарить Рори. Вчера он сказал, что это его работа, но для меня это нечто гораздо большее. Что я могу сделать для Рори? У него стабильное финансовое положение, он здесь находится совсем недолго, о его проблемах мне ничего не известно. Почему он вернулся, я не в курсе. Следовало бы его спросить, но, возможно, это связано с Джессикой. Она погибла в декабре. Накануне того дня, когда Марша, краснолицая и целеустремленная, появилась на свет.

Он сам признался, что ненавидит декабрь, тогда как для меня это самый волшебный месяц в году. И самый трудный – потому что приходится дважды встречаться с родителями. А в остальном это месяц радости: все сияет и искрится, кругом магия, готовишь подарки для тех, кого любишь, восторг на личике Марши, не один праздник, а целых два: Рождество, а следом Новый год, когда у нее день рождения. Атмосфера взволнованности, у всех приподнятое настроение, предвкушение. Может, мне удастся поделиться с ним этим волшебством?

Именно это я и сделаю. Научу его любить Рождество. Мне не удастся унять его боль, вымарать из декабря трагедию, которую он пережил, но пока он здесь, я могу быть ему другом и приобщить к зимней магии. Я стану его личным рождественским эльфом.

* * *

В полдень я стою на крыльце ничем не примечательного дома блочной застройки в районе церкви Святого Павла. Это не супер-пупер отель и не престижный Клифтон. Из дома ниже по улице орет музыка. На мне элегантный прикид, который я одолжила у Луизы с целью убедить мистера Икс в том, что со мной его деньги будут в целостности и сохранности, ноги сами проснутся в пляс.

Мне нравится этот район Бристоля, я завсегдатай проходящего здесь в июле Карибского карнавала и однажды в буквальном смысле вскарабкалась на спину Луизе, чтобы достать бутылку холодного лагера «Ред страйп» и миску козлятины по-ямайски. Она не сопротивлялась. Дома здесь стоят кучно – слышна не только музыка, но и обрывки разговоров проходящих мимо людей, и весь этот шум придает этому месту оживленность. Здесь все чувства пробуждаются.

Однако любовь к городу не спасает меня от нервозности в данный момент. Надежды запустить шекспировский проект занимают все мои мысли, меньше чем за сутки я разогналась с нуля до двухсот, и уже несусь на полной скорости. Мечта делиться с юными пытливыми умами любовью к Барду окрыляет меня, и по пути сюда я продумала презентацию. Бардопоклонник во мне не допустит, чтобы такая возможность была упущена. Если из этой затеи ничего не выйдет, то я по крайней мере буду знать, что сделала все от себя зависящее.

Я делаю глубокий вдох и нажимаю на звонок.

Вдох, выдох.

Грациозная и очень красивая молодая женщина открывает дверь. У нее афро шириной сантиметров двадцать пять – ухаживать за такой прической очень непросто – и наряд из чего-то вроде золотой сетки. Можно подумать, она только что сошла с обложки «Vogue». А еще, глядя на нее, понимаешь, что в ее мире семьдесят пять штук – это действительно мелочи. Я робею и стараюсь не пялиться.

– Здравствуйте, проходите. Вы Белл, к Джамалу? Он вас ждет.

У нее чистый бристольский выговор – так бы и расцеловала ее. Робость сразу проходит.

Она ведет меня через холл на кухню.

Там, за столиком, сидит женщина приблизительно маминого возраста, но в отличие от мамы, которая источает нервную изысканность в сочетании с холодным отчаянием, эта женщина олицетворяет тепло и праздничность воскресного утра. Кухня – центр этого дома, идущий отсюда роскошный запах ощущается повсюду.

Я перевожу взгляд со своей провожатой на мужчину, стоящего у плиты. У него широкие плечи, под стать королю-воину. Даже сквозь худу видно, что он отлично сложен, и я вдруг чувствую позыв плотского желания. А вот это совсем некстати.

– Здравствуйте, здравствуйте. – Женщина приветственно машет мне. – Вы как раз к тушеной курице по-ямайски. Ручаюсь, такой вы никогда не пробовали.

Я улыбаюсь:

– Здравствуйте. Это серьезная рекомендация.

– В ней ни слова лжи.

Красотка жестом предлагает мне отодвинуть стул и присесть. Не так я представляла себе свою презентацию.

– Через минуту он освободится и приготовит вам чай.

Женщина постарше говорит так, точно *его* нет на кухне.

– Это было бы чудесно.

Я присаживаюсь к столу и решаю быть созвучной здешней атмосфере. Мужчина в последний раз мешает содержимое в кастрюле, выключает огонь и включает чайник. Я, как зачарованная, наблюдаю за ним. Он поворачивается ко мне лицом.

Мать твою.

Нет.

Джамал – на самом деле Джамал. Ярчайшая звезда на небосклоне британской жизни. Полимат двадцать первого века – Леонардо да Винчи, Аристотель и Хелен Келлер в одном лице. Он начинал с музыкального бизнеса и сделал себе имя в хип-хопе, когда еще учился в школе. Незадолго до экзаменов он выпустил альбом, который стал мегапопулярным и держал первые позиции во всех стриминговых сервисах. Позже его биография пополнилась телевизионным проектом в партнерстве с «Каналом 4», который снимался здесь, у Святого Павла, затем он получил премию Британской академии в области кино – ну, разумеется, – а сейчас занимается музыкальным продюсерством, управляет компанией по производству «этичной» одежды, выступает против подпольных цехов и, по слухам, собирается запустить что-то новое. Ему тридцать. Он на год младше меня, успешен как никто, и охренеть как сексуален. Пропади я пропадом, как же он сексуален! И сейчас заваривает мне чай на кухне у Святого Павла.

Нет, я убью Рори. Как он посмел меня не предупредить?

– Чай готов, и приглашаю попробовать курицу... – Он поворачивается и видит меня. – Какого х... – Он переводит взгляд на женщину постарше и корчит смущенную мину. – Я вас знаю. Рори не сказал, что это вы.

Я смеюсь. Что за ерунда? Джамал знает *меня*. Не думаю. Да быть того не может.

– Вы знаете меня? Да нет, вы меня с кем-то спутали. Я даже не догадывалась, что встречаюсь с вами. Рори не сказал об этом. – Я запинаясь. Какую моей профессиональной речи на тему: «Я знаю о Шекспире все, со мной ваши инвестиции в надежных руках». Начать с фразы «Вы знаете меня?» точно не входило в мои планы. И пускать слюни, сидя с открытым ртом, тоже. А это именно то, что происходит со мной сейчас.

Джамал окидывает меня взглядом. Не похотливым, нет, а таким, что я практически вижу, как в его голове с сумасшедшей скоростью начинают крутиться винтики, глаза смотрят пронизательно – от этого мне становится как-то не по себе.

– Да, он такой. Верный, умеет держать язык за зубами, никогда не сболтнет лишнего, говорит только по делу. Я люблю его. Он один из самых достойных людей, которых я знаю. Мы дружим много лет. Поэтому я согласился на эту встречу. Но я вас знаю...

– У него с детства фотографическая память. Что увидит, то запомнит. Когда был маленьким, это у него была такая суперспособность. Так откуда же, Джамал, ты знаешь эту приятную молодую даму?

– Из газет.

Тон, каким это сказано, не обнадеживает.

– О, так вы тоже знаменитость? – обращается ко мне женщина постарше, широко улыбаясь. Красотка принимает заинтересованный вид.

– Вообще-то нет.

Если он помнит меня из газет, значит, в связи с папой. Мне этот контекст в зубах навяз. Сердце екает.

– И вот что я скажу, уж простите, но папаша ваш тот еще мудака, ой, прости, бабуля... – Это его бабушка! Да нет, она выглядит не настолько старой. Джамал продолжает: – Ваш папаша... ну, вы поняли, что я имею в виду. Газетчики всюду свой нос суют, но для вас это, наверное, был шок.

– Нет вообще-то.

Он протягивает мне кружку с чаем, я делаю осторожный глоток и поднимаю на него глаза. Он следит за каждым моим движением, за мельчайшими реакциями.

– Я знаю, что он му...э-э...бабник? – Я перевожу взгляд на бабушку, которая кивает. – Я всю жизнь это знаю. Лет с пяти, по крайней мере, когда застучала его за тем, как он целовался в засос с моей учительницей на дне спорта.

– Есть мужчины, которые думают только тем местом, – качая головой, произносит бабушка, у которой явно ямайский акцент.

Красотка кивает с усталым видом.

– Но мой Джамал не из таких. Он хороший парень. Умный. Он все понимает правильно.

– Давайте есть, пока горячее. Бабуля, тебе положить? Элис? Белл?

Он выкладывает курицу на большое блюдо и раздает нам тарелки.

– Бабуля прибыла в Британию на корабле «Эмпайр Виндраш», так что эта еда напоминает ей о доме. Она научила меня ее готовить, когда я был маленьким, – говорит он, когда мы сидим вплотную друг к другу за крохотным столиком и уплетаем курицу.

– Это было очень вкусно, спасибо.

– На здоровье. Но как так случилось, что вы попали ко мне на кухню? У вас состоятельная семья. Не проще ли обратиться к отцу? Пусть он вложится в ваш проект, а я буду помогать тем, кто не имеет ваших привилегий.

Упс. Я не знаю, как реагировать на это замечание. И говорю начистоту:

– Возможно, вам следует вкладываться в тех, у кого не было такого старта в жизни, как у меня. Но я надеюсь, что вы дадите шанс мне, и мой проект поможет открыть целый мир тем, кто отчаянно пытается разглядеть его по фрагментам. Я бы хотела осуществить этот замысел, не обращаясь к своему отцу.

– А я бы хотел жить в мире, где больше равенства, где людям не приходится жить впроголодь, чтобы их дети были сыты. Жить по хотению – это роскошь.

И снова с этим не поспоришь. Обед был вкусный, но сейчас у меня на языке горечь неудачи, приправленная чувством унижения.

Я желаю мира с вами и найду

случай дать вам полное удовлетворение¹⁸.

¹⁸ Шекспир У. Виндзорские насмешницы. Акт III, сцена 1. Пер. С. Маршака и М. Морозова.

Седьмое декабря

Рори

Я бродил между стеллажами в супермаркете «Теско» возле маминого дома. Из динамиков неслись рождественские песенки – за то короткое время, что я там находился, подборка, отзвучав один раз, запускалась по новой, – и я, видимо, в приступе сезонного безумия, положил в тележку банку с начинкой для сладких пирожков и ванночку со взбитыми сливками. Вот мама изумится, думалось мне, когда я с торжествующим видом принесу ей сладкий пирожок, прямо из духовки, с оседающими на нем сливками, похожими на снег, тающий на теплом крыльце.

Вчера она вымоталась, а иначе разве позволила бы, чтобы Дейв готовил жаркое? Я чуть не лишился трех зубов – ума не приложу, как ему удалось сотворить такое с картошкой, а чтобы спалить горох, нужно отдельно постараться. На лице у мамы читалась усталость, глаза смотрели безжизненно, кожа была бледной. Не думаю, что это из-за рака, похоже, у нее бессонница – весь день она хорохорится и держится бодрячком, а ночью не может уснуть, переживая о том, как нас оставит, если случится худшее. Я знаю, каково это, когда сон не идет, и мысль о том, что я бессилён сотворить чудо и ей помочь, разбивает мне сердце.

Поэтому я пошел в супермаркет, потом настроил кучу всякой всячины, которую положил в морозильник, и сейчас готов достать из духовки сладкие пирожки. Давным-давно, лет в двенадцать, я уже занимался стряпней, – тогда я пытался заглядеть вину за какой-то косяк, хотя в чем именно он состоял, уже не помню. Зато мне памятна буря чувств, когда я подавал угощение маме. Вот ради этой обоюдной радости я и затеял все сегодня.

Но сюрприз ждет не только маму – я должен рассказать об этом Белл. Мне не терпится узнать, как все прошло вчера, но навязываться не хочется. Я собирался свести их, а потом отойти в сторону. Тот факт, что ни она, ни Джамал с тех пор не проявились, не сулит ничего хорошо. Меня это настораживает.

Эти двое просто созданы друг для друга, и, когда эта мысль пришла мне в голову, я так обрадовался. Остальным невдомек, но я-то знаю, что ближайшие несколько месяцев Джамал проведет в Британии, репетируя «Кориолана» в постановке «Королевской шекспировской труппы». Премьера назначена на лето. Джамал политически активный, имеет твердые убеждения относительно власти и связанной с ней ответственности, и эта роль, как он сказал мне, дает возможность для высказывания на тему абсолютной власти. А еще он только что вернулся из Америки и в эти выходные приехал в Бристоль повидаться с семьей – если это не вселенная оказывает содействие, тогда я не знаю, как это расценить.

Я достаю телефон.

Ты не поверишь, но прямо сейчас, вот прямо сейчас я готовлю сладкие пирожки. Из ничего. Сладкие пирожки.

Отправляю. Будем думать, это ее развеселит, и она, вероятно, расскажет о том, что было вчера. Я возвращаю на полку мамину кулинарную книгу, старую блочную тетрадь с красной обложкой, в которой хранятся все бабушкины рецепты, – они рукописные, чернила на них выцвели. Бабушка умерла от рака груди, но я все утро стараюсь не думать об этом. По сравнению с тем временем, когда заболела бабушка, медицина шагнула далеко вперед. Таймер срабатывает одновременно с сигналом уведомления о сообщении.

Сладкие пирожки. Вау. Это круто. Собиралась написать тебе, но весь день в запарке. С чем связано потепление твоего ледяного рождественского настроения?

Она ставит знаки препинания в сообщениях. Само собой. И занята, а это хороший знак. Пожалуй, пессимизм стоит умерить. Возможно, они с Джамалом не вышли на связь, потому что всю ночь строили планы, ее энтузиазм заразителен – в этом я убедился на собственном опыте. Я ощущаю легкое беспокойство, поворачиваюсь к плите, открываю духовку и достаю пирожки. Запах потрясающий.

Потепление, пожалуйста, сильно сказано. Верь мне на слово, Рождество я по-прежнему ненавижу. Но я люблю маму. А она любит сладкие пирожки.

Ну, тебе повезло, потому что я решила быть твоим личным рождественским эльфом и...

Что это значит? Я представляю ее в костюме эльфа, волосы собраны в хвостики, и быстро мотаю головой. По непонятной причине возникший образ точь-в-точь воспроизводит фотографию из «Плейбоя» примерно 2002 года. В тринадцать лет я бы пришел в восторг, но нынешний я старается как можно быстрее избавиться от этой ментальной картинки. Это Белл Уайльд, и во время короткого визита домой осложнения мне не нужны. Причин тому – воз и маленькая тележка. Я все еще не оправился от потери, мы не подходим друг другу, ей не нравятся мужчины моего типа, она не Джесс. Впрочем, мне хочется знать, что она имеет в виду. Телефон снова пищит.

...и у меня есть билеты на сегодняшнее вечернее представление на «Брюнель СС». Тебе ведь нравятся корабли;-)

И как только она запомнила? Должно быть, я упомянул о том, что мне нравятся старые корабли, когда подвозил ее домой. Память тут же услужливо подсунула картинку, как мы хохочем, представив, что угоняем стоящую на приколе баржу и уплываем, забыв о преддипломных треволнениях. Точнее, хохотала она, а я наверняка говорил что-то ужасно сознательное. Забавная у нас была тогда дружба.

Я бывал на «Брюнель СС» в детстве. Тогда мне очень понравилось. Думаю, и сейчас развеяться мне не повредит.

* * *

Я иду через парковку и замечаю ее прежде, чем *понимаю*, что это она. Я надеюсь, что обо-знался, но нет. Поджидающая меня особа переливается огоньками – они освещают физиономию красноносого оленя Рудольфа, который красуется на ее рождественском свитере, и подмигивают с шапочки эльфа у нее на голове. Мои брови ползут вверх.

– Это чтобы ты проникся духом Рождества.

– Только этого мне и не хватало.

– Ну, не знаю, просто я подумала, что именно этого тебе не хватает.

– Хм-м. А ты в курсе, что существуют рождественские фобии? Вдруг то, что ты сейчас делаешь, верх жестокости? Как, скажем, запереть в птичьей вольере человека, который боится птиц.

– Брось. Ты выдумываешь.

– Вовсе нет. Это называется селлафобия – боязнь вспышек света – и применительно к моей селлафобии это означает, что лампочки на твоей шапочке меня травмируют.

– Блин.

– Блин? И это все, что отсюда следует?

– Если честно, мне стало легче. – Она стягивает шапку и щелкает по кнопке, затем запускает руку под свитер и щелкает еще раз. – Я купила это, потому что люблю Рождество и решила, что так будет весело. Но, честно говоря, я всегда стеснялась их надевать. Возможно, это первый и последний раз. И сделала я это потому, чтобы ты знал, что я отношусь к своим обязанностям эльфа очень серьезно. Действительно серьезно.

– О'кей, в таком случае убери это подальше.

– Ладно. – Она запихивает шапку в рюкзак. – Тогда будем держаться подальше от мест, где много огней.

Она подмигивает. Она не похожа на Белл, которую я знал в университете. Эта Белл мне нравится больше. Она не такая издерганная и отчужденная.

– Есть еще какие-нибудь рождественские фобии, о которых мне следует знать?

Мы направляемся к кассе, где сидит особа, облаченная в викторианское платье.

– Да, сейчас... Спасибо, – говорю я контролеру, который гасит наши билеты и показывает, куда двигаться дальше. – Во что ты меня втянула?

– Не переживай. Давай-ка сначала закроем тему с фобиями.

Не нравится мне эта улыбка. Если в итоге я буду вынужден принять участие в какой-нибудь историко-рождественской пантомиме, ее эльфийские дни будут сочтены. Я кину ее за борт, а там уж как решит река Эйвон. Я бросаю на Белл выразительный взгляд – пусть знает, что ходит по тонкому льду. Она ухмыляется.

– Ладно. Существует дорофобия, при которой люди ненавидят получать подарки. Дорофобы не могут справиться с социальной тревожностью из-за того, что на них в этот момент смотрят, – продолжаю я.

– Это мне понятно.

– Правда?

– Я расслаблена, если мне очень комфортно с человеком или м-м... как ты раньше помнишь, когда была под кайфом, а в остальных случаях моя социальная тревожность зашкаливает. Мне приходится уговаривать себя пройти через какие-то социальные ситуации, потому что я не хочу, чтобы меня контролировали. Думаю, поэтому лучше всего я чувствую себя дома, занимаясь шекспировским проектом. Я не просто реагирую на социальные сигналы, а всегда задаюсь вопросом, адекватно ли это делаю. Так что верно, даже получая подарки, я переживаю, а вдруг я отреагировала не так, как ожидалось. Не пойми неправильно, я люблю подарки и скорее готова испытать неловкость, чем навсегда их лишиться.

– Вау.

– Твое «вау» наводит меня на подозрения, что я выставила себя душой.

– Ты...

Я осекаюсь. Я собирался сказать, что-де ты стояла, переливаясь огоньками, а сейчас переживаешь о том, что могла выставить себя душой. Но она только что открылась мне, рассказав о своей социальной тревожности, и это прозвучит бестактно. Еще я понял, насколько ей было дискомфортно с этими огоньками и как я ошибался насчет Белл, которую, как мне казалось, знал.

– У тебя нет оснований для беспокойства. Извини. Хочешь еще что-нибудь узнать про фобии, рождественский эльф?

Она с улыбкой кивает. Я прощен.

– У меня есть кристогенниатикофобия, что неудивительно... – Я снова делаю паузу, но у нас разговор начистоту. Просто я не привык быть честным с собой, не говоря уже о дру-

гих. – Такое длинное слово, сразу и не выговоришь. Это боязнь Рождества. – Ну вот, я произнес это вслух. И ничего. Я боюсь Рождества, по крайней мере этого периода. Дискомфорт нарастает по мере приближения самого дня, а потом, когда наступают предновогодние дни – или, как теперь выражаются, «твиксмас», – сменяется забвением. Я бросаю на Белл быстрый взгляд, но, судя по всему, мои слова ее совсем не смущают. Она просто принимает к сведению. Как будто вполне возможно и вполне нормально, что у меня есть какой-то иррациональный страх. Я делаю глубокий вдох, киваю и продолжаю: – Еще есть мелеагрисофобия – боязнь индеек. Как именно реагируют на мертвую индейку страдающие этой фобией – вопят от ужаса или испытывают облегчение – я не знаю, но такая штука есть.

Она смеется.

– Подозреваю, что ты можешь страдать от сингенезофобии, которая обостряется в декабре, причем дважды. У меня ее нет. Мне других фобий хватает.

– Не верится, что ты боишься индеек, мистер Уолтерс. А насчет сингенезофобии, хм... дай-ка подумаю. «Син» это не «одинаковый», это по-гречески «гомо»... «Син» означает «с»? – Она вопросительно изгибает бровь, и я киваю. Звучит правдоподобно – в любом случае ей лучше знать. – Хм, а «генес» – это «род». Получается «страх рода», и моя натужная догадка на ... сто... процентов... верна.

Последние слова она произносит с паузами и торжеством в голосе.

– Ура, ты угадала.

– Забавно. Еще одну?

– Возможно, это только нам забавно. А со стороны может показаться, что мы со странностями.

– Ты и так со странностями, – с невозмутимым видом говорит она.

– Я открываюсь перед тобой, обсуждаю признанные медициной страхи, связанные с Рождеством, а тебе забавно? Ты всегда такая садистка?

– Да.

Мы находимся на корабле, и я в таком восторге, как будто вернулся в детство. Последний раз я был здесь много лет назад и помню, какое впечатление на меня произвели восковые фигуры Викторианской эпохи – я был заморожен и вместе с тем испуган.

– Может, сначала здесь оглядимся, а после пойдем туда, куда ты там задумала?

– Конечно. Задуманное начнется примерно через полчаса в кают-компании первого класса, так что мы можем перекусить на прогулочной палубе и прогуляться. Я здесь впервые. Так что будь моим гидом.

– Охотно.

Мы берем по сладкому пирожку, я решительно отказываюсь от глентвейна – у Луизы мне просто повезло, – и мы движемся назад по обшитым деревом коридорам. Они настолько узкие, что мы идем вплотную друг к другу, я чувствую дыхание Белл, когда она заглядывает то в одну каюту, то в другую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.